

О возможности субстратного объяснения нетривиальных фонетических явлений в белозерских говорах XVII в.

И. В. Бегунц

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Изучение говоров русского языка в прошлом на материале памятников местной письменности неразрывно связано с изучением истории исследуемого ареала: решение вопросов генезиса того или иного диалекта предполагает обращение к данным археологии, этнографии, собственно истории, и в ряде случаев позволяет осветить аспекты, недоступные для изучения в какой-л. из этих дисциплин из-за отсутствия релевантных данных. Так, исследование фонетического строя белозерско-бежецких говоров XVII в. на материале местных деловых текстов и данных синхронной диалектологии впервые позволило с большой точностью очертить границы расселения двух славянских колонизационных потоков на данной территории [Бегунц 2006]. Привлечение исторических данных позволяет предложить новую интерпретацию нетривиальным орфограммам, обнаруживаемым в текстах; далее рассмотрим возможность субстратного объяснения написаний, найденных в белозерских деловых текстах XVII в. (отказные книги по Белозерскому уезду и хозяйственные книги Кирилло-Белозерского монастыря, хранящиеся в РГАДА, фонд 1209, оп. 2, №№ 12761, 12769, 11437, а также фонд 1441, оп. 1, №№ 221, 222, 24, 228, 229, 230; общий объем 3200 листов).

По данным археологии и этнографии до прихода славян территория современных белозерских говоров была заселена угро-финским племенем весь [Голубева 1973]. Ассимиляция вепского населения началась в X в. и длилась несколько столетий: имеются свидетельства XVI в. о двуязычии белозерских вепсов; более того, в несколько более западных областях вепсы сохраняют свой язык до сих пор. Столь длительный период межъязыковых контактов позволяет предполагать возможность развития в говоре особенностей, связанных с угро-финским субстратом. Такое влияние прослеживается на уровне лексики: белозерские говоры, как и многие другие севернорусские, обнаруживают многочисленные заимствования из угро-финских языков, в частности вепского (см. [Мызников 2004]). Влияние на уровне фонетики изучено слабее, однако есть основания полагать, что ряд нестандартных написаний в исследованных белозерских текстах связан именно с фонетическими особенностями, развившимися в результате взаимодействия славянской и инославянской фонетической системы. Такие примеры, как правило, немногочисленны и производят, на первый взгляд, впечатление описок; лишь исследование большого объема текстов и накопление достаточного числа сходных примеров позволяет видеть в них типовое явление.

В белозерских текстах XVII в. отмечены написания *пригезаль* 'приезжал', *уездъ* 'уезд', в... *уезде* 'в уезде'. Аналогичные примеры в скромном количестве представлены и в других севернорусских рукописях XVI–XVII вв., например, в текстах новгородской северо-восточной периферии (*зехали*, *погихали* [Галинская 2002: 68]). Такого рода написания в южнорусских рукописях, как привило, объясняются артикуляционной и акустической близостью фрикативного заднеязычного [ɣ], свойственного южнорусскому наречию, и средненебного [j] [Аванесов 1952: 34–41]. Однако для белозерского говора, как и для большинства севернорусских, был характерен взрывной [ɣ], что подтверждается данными синхронной диалектологии и написаниями в текстах, отражающими оглушение конечного *z* в [к] (*по выписи с кни*^и, *кружъ* 'вокруг' и др.). Следовательно, предпосылки для появления в севернорусских текстах подобных написаний должны быть совсем иные. В ряде работ прямо указывается, что [j] в отдельных севернорусских говорах произносился как [ɣ']; другие исследователи видят в таких написаниях отражение «взрывного йота», спорадическое употребление которого отмечается диалектологами в различных

областях, особенно в Карелии (обзор работ см. [Галинская 2002: 68–70]). Летом 2007 г. в ходе экспедиции в Вологодскую область мы получили запись, фиксирующую последовательное произношение на месте [j] сильно смягченного звонкого заднеязычного звука типа [ɣ']; информантом была местная жительница, по рождению и первому языку вепс; русский средненебный фрикативный [j] в ее артикуляционной базе отсутствовал. Версия о субстратном происхождении произношения [ɣ'] на месте [j] и написаний типа *пригезал* была высказана в работе [Суханова, Муллонен 1986]. В свете истории заселения белозерского края, несомненных многовековых контактов вепского и русского населения на этой территории данная гипотеза представляется наиболее убедительной; она позволяет не только дать фонетическую интерпретацию отражаемому в памятниках явлению, но и объяснить его происхождение в ходе межъязыковых контактов местного населения.

Другой тип написаний, предположительно отражающих фонетические явления субстратного характера, представляют случаи взаимной мены букв согласных, парных по глухости-звонкости: *пороснь*, *опручи*, *во творе*, *просвище*, *пошня* 'пожня', *отна*, *в кот'бтыномъ дворе*, *взякими* и пр. Эти примеры могут указывать на наличие в говоре непозиционной мены глухих и звонких согласных – явления, отмечаемого в современных говорах разорванными островами практически по всей северной диалектной зоне [Глускина 1973]. Многие исследователи рассматривают это явление как результат влияния финского субстрата, а именно взаимопоспособления фонологических систем русского языка и угро-финских, в которых отсутствовало фонологическое противопоставление согласных по глухости-звонкости, а существовали только глухие фонемы, которые выступали в собственно глухой реализации в начале и конце слова, а в середине слова при отсутствии непосредственного соседства с глухим получали позиционную полувзвонкость. При тесном контакте славянского и финно-угорского населения на начальном этапе двуязычия русские слова со звонкими согласными в начале или на конце стали произноситься балто-финскими с соответствующим глухим. Затем в ходе ассимиляции и дальнейшего освоения славянской фонетической системы возникли гиперкорректные случаи озвончения этимологически глухих, что характерно для той стадии двуязычия, когда отношения между аллофонами первого языка уже не переносятся на второй язык, но парадигматические отношения славянской фонологической системы (противопоставление по голосу) еще не освоены [Глускина 1973: 48].

В исследованных текстах также имеется значительное число примеров, указывающих на особенности корреляции согласных по твердости-мягкости в говоре. Часть из них составляют написания, отражающие своеобразное произношение [л']: *по и^х полу^бному договору*, *луди*, *слуды*. Аналогичные примеры встречаются в новгородских берестяных грамотах; они могут передавать особенность живой древне-новгородской фонетики – сдвиг [л'] в сторону среднего [l], явление, фиксируемое в современных севернорусских говорах [Зализняк 2004: 80]. Кроме того, в белозерских текстах имеется большое число смещений после букв других согласных: *надеся^м*, *патово*, *патна^ицать*, *пя^ини*, *непяше^ина^с* (лесу), *Степяна*, *Кулебакина*, *боби^и* 'бобыль', *четыре*, *взато*, *взали*, *вза^а с собою*, *ко^к нязу*. *в язоз^еско^м стану*, *ис приказю*, *не^мдеса^м* и мн. др. Представляется вероятным развитие непозиционного смягчения и отвердения согласных в говоре под воздействием языка-субстрата, в котором корреляция согласных по этому признаку отсутствовала или была фонологически устроена иначе.

Таким образом, обращение к истории заселения края позволяет дать объяснение многочисленным нетривиальным написаниям в позднедревнерусских деловых текстах и соотносить их с явлениями современной диалектной фонетики, имеющими неоднозначное толкование в лингвистической науке.

Литература

Бегуц И. В. К истории славянской колонизации Белозерского края и Бежецкой земли (данные исторической диалектологии и лингвистической географии) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Глускина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. СПб., 2004.

Суханова В. С., Муллонен М. И. О «г» протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986.

Национальная самоидентификация этнического населения Саратовского края*

О. В. Бессчетнова

Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Балашов, Россия)

Культура, язык, национальная самоидентификация, Саратовская область, этнический состав, население

Аннотация. В статье рассматриваются особенности этнического состава Саратовской области и национальной самоидентификации этносов, проживающих на ее территории.

Этнический состав населения Саратовской области по переписи 2002 г. представлен сегодня 111 национальностями, из которых наиболее крупными группами являются: русские – 85,9%, украинцы – 2,5%, казахи – 2,9%, татары – 2,2%, мордва – 0,6%, чувашы – 0,6%, белорусы – 0,5%, немцы – 0,5%, другие нации и народности – 4,3%. На территории области проживают не только нации и народности нашей страны, стран ближнего зарубежья, но и многих зарубежных: немцы, поляки, болгары, греки, венгры, корейцы, турки, финны, чехи и др.

Основной тенденцией в динамике численности населения области долгое время было сокращение удельного веса русских в общем составе населения и увеличение доли других национальностей. Так, например, только за период с 1959 по 1989 г. доля русских снизилась в составе населения области с 87,8% до 85,6%, а доля остальных этнических групп увеличилась за этот период с 12,2% до 14,4%.

На национальный состав населения области оказывают влияние политические и социально-экономические перемены в обществе, а также начатые с распадом СССР процессы суверенизации и этнизации как в ближнем зарубежье, так и в некоторых национально-территориальных образованиях России. Произошли серьезные сдвиги в миграционном обмене Саратовской области. Только с 1992 по 1998 г. в Саратовской области было зарегистрировано свыше 50,5 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, среди которых преобладают русские, армяне, украинцы, татары, грузины, немцы и другие народы.

Национальная самоидентификация является важнейшей составляющей этнического сознания и показателем, позволяющим судить об уровне национального сознания и о степени интеграции отдельного этноса в региональное полиэтничное пространство. В конце 90-х гг. XX в. Л. В. Константиновой и Е. А. Киселевой были проведены исследования, направленные на изучение состояния национального самосознания неславянских этнических групп на территории Саратовской области. В результате выявлено, что национальная идентичность преобладает у саратовских казахов, татар и чувашей (58%, 55% и 48% соответственно). Живущие в регионе евреи и мордва осознают скорее свою биэтничность (41% и 35%). Из саратовских немцев 14% одновременно считают себя русскими, 16% полностью отождествляют себя с русским этнонимом, а 10% не ощущают никакой национальной принадлежности [Константинова, Киселева 1996: 60]. Татарский, казахский и чувашский этносы демонстрируют положительный потенциал национально-культурного возрождения, высокую степень этнической корпоративности. В то же время эти общины могут выступать и носителями националистических тенденций в регионе. Мордовская, немецкая и еврейская общины, напротив, склонны к ассимиляции, для них менее свойственны этнокорпоративность и стремление к восстановлению единых этнических сообществ на территории региона. Вместе с тем русское население на вопрос «Кем Вы себя ощущаете?» ответило: «только

русским» – 70%; «в основном русским» – 9,5%; «и русским, и не русским» – 5%; «не ощущаю своей национальности» – 8% [Виккулов 2004: 142–144].

Согласно исследованиям А. Ф. Валеевой язык стоит на первом месте при этнической идентификации респондентов (67,3%); затем следуют культура, обычаи и обряды (64,8%); родная земля (43,9%), религия (25,5%); историческая судьба и внешность, психология (16,4%, 2,7%, 0,3%), затруднились ответить (0,9%) [Валеева 2004: 357].

Результаты этнической самоидентификации русских, проживающих на территории Саратовской области, исследователями оцениваются не однозначно. Так, Л. В. Константинова и Е. А. Киселева считают, что этничность у русского населения существенно размыта, несмотря на тот факт, что по количеству людей, отождествляющих себя только с представителями своей национальности, «русские», по сравнению с другими этническими группами региона, уступают лишь армянам и азербайджанцам (70% против 75% и 72% соответственно).

Рассматривая тот же показатель, А. С. Ососков и Н. М. Ососкова считают, что для представителей титульной нации русского население, проживающее на территории Саратовской области, излишне «закрыто», а гармонизация межэтнических отношений в регионе, в определенной степени, будет зависеть от того, научатся ли русские в большей мере чувствовать себя «немного немцем, немного казахом» [Ососков, Ососкова 1996: 88]. Иначе говоря, рост национального самосознания русских с учетом их подавляющего большинства в регионе требует и неременного присутствия в сознании их надъидентичности, большей «открытости» для восприятия соседств и этнокультур. Если в СССР объединение людей разных национальностей реализовывалось на государственном идеологическом уровне, то в постсоветской современной России в условиях отсутствия ясной общенациональной идеи и тем более идеологии надъидентичность русского этноса превратилась в существенный объединяющий фактор, основополагающий для новой государственной идеологии РФ.

Несмотря на то что в Саратовской области численно преобладают русские, другие этнические группы также имеют возможность для своего культурного развития. На основе соглашения между Министерством образования области и республикой Татарстан были улучшены условия для изучения татарского языка, национальной культуры и традиций в местных школах; налажено взаимодействие между Генеральным Консульством ФРГ, неправительственными организациями Германии и общероссийскими общественными объединениями для воссоздания этнокультуры немцев Поволжья, созданы учебные центры по раннему изучению немецкого языка, в семи дошкольных учреждениях введена комплексная обучающая программа «Немецкий детский сад»; с 1997 г. на базе классического университета Восточно-Европейского лица по углубленной программе изучаются история и культура российских этносов: русских, казахов, татар, поволжских немцев, украинцев и т. д. Возросла роль религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании подрастающего

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ «Национальные семейные традиции народов Поволжья в культурно-историческом наследии России (на примере Саратовской области)», грант № 08-03-27307а / В.

поколения; открыты воскресные школы, издаются собственные конфессиональные периодические издания «Православная вера» и «Мусульманский вестник», что позволяет сделать вывод о высокой степени стабильности и взаимопонимания в межэтнических отношениях региона [Викулов 2004: 155].

Литература

Валева А. Ф. Теоретико-методологические проблемы исследования языкового поведения в полиэтничном обществе: Дис. ... докт. соц. наук. Саратов, 2004.

Викулов А. М. Национальная политика в полиэтничном регионе Российской Федерации: Дис. ... докт. соц. наук. Саратов, 2004.

Константинова Л. В., Киселева Е. А. Состояние национального самосознания этнических групп Поволжского региона // Этносоциальная ситуация в Саратовском Поволжье и проблемы управления. Ч. 1. Саратов, 1996.

Осоков А. В., Ососкова Н. М. Национальное самосознание русских // Этносоциальная ситуация в Саратовском Поволжье и проблемы управления. Ч. 1. Саратов, 1996.

Традиционная народная культура и ее отражение в лексике диалектов

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектная лексика, архаическое сознание, традиции

Аннотация. В докладе на основе материалов, собранных в экспедициях последнего времени, рассматриваются этнографические признаки, присущие русским говорам разных территорий. При этом выявляются сходства и различия культурных традиций.

1. Полевые исследования восточнославянских говоров последнего десятилетия свидетельствуют о том, что традиции и обряды, отражающие архаическую ментальность, сохраняются в большей степени, чем можно было предположить ранее. Авторами были обследованы говоры Поветлужья (Нижегородская обл.) – восточная периферия Центра Европейской части России; Новгородская обл. – западные среднерусские говоры, Псковская и Витебская обл. – говоры русско-белорусского пограничья, южнорусские говоры Липецкой обл. Считается, что архаическое сознание и традиционная обрядовость сохраняются прежде всего в периферийных северных говорах (архангельских, вологодских, кировских), которые с этой точки зрения являются, пожалуй, наиболее исследованными. Поэтому неслучайно мы остановили свой выбор на изучении говоров других территорий. Цель работы – выявить те черты традиционной духовной культуры, которые являются общими для большинства русских говоров, а также определить существующие между ними различия.

2. Остановимся на характеристике говоров Поветлужья. Заселение этого края русскими происходило, по утверждению историков, не ранее XIV в. и шло с запада на восток – с р. Унжи через леса на Ветлугу. Первоначально ветлужские земли входили в состав Галицкого княжества, а с подчинением этого княжества Москве становятся частью Московского великого княжества. Русские деревни и села в среднем Поветлужье появляются в основном в XV в., городов здесь не было. Изучение говоров данного региона, безусловно, представляет интерес, так как они явились «потомками» Ростово-Суздальского диалекта, легшего в основу русского литературного языка. Говоры края мало изменились к началу XX в., поскольку находятся на восточной окраине Европейской части России, в них до настоящего времени сохраняются архаические черты в области лексики и этнографии.

Множество источников XVIII–XIX вв. описывает историю, хозяйство, быт, культуру жителей Поветлужья. В пространственных записях, сделанных краеведами, этнографами, приходскими священниками, отмечались одни и те же черты, присущие местному населению, а именно: 1) стойкое суеверие (вера в колдунов, нечистую силу, связь с миром мертвых, распространение знахарства, скотоводческая и земледельческая магия); 2) любовь к различному рода праздникам; 3) обязательное подавание бедным, в том числе подача милостыни, сопровождавшая праздники, погребальный и поминальный обряды; 4) непременное соблюдение основных семейных обрядов – свадебного и похоронного. Как показал собранный нами материал, все перечисленные элементы народной культуры существуют и по сей день и имеют определенную языковую реализацию. Следует отметить, что погребальный обряд характеризуется лучшей сохранностью по сравнению со свадебным.

3. В других обследованных говорах – русско-белорусских пограничных (западных), новгородских (северо-западных) и задонских (южных) – отмечено только два из четырех перечисленных выше признаков: стойкое суеверие и соблюдение семейной обрядности. В данных диалектах и сейчас широко распространены заговоры, всякого рода знахарство, насылающие порчи, лечение болезней магическими приемами, вербальные и акциональные обереги (апотропеи). В обе-

регах так же, как в заговорах, обнаруживается синтез христианства и язычества. Существует, по рассказам информантов, много способов наведения порчи, глаза, которыми пользуются до сих пор: в Великий четверг закапывают под окном мертвую курицу и после этого стучат в окно, подсыпают заговоренную пищу с целью нанесения ущерба, так, например, следует *подсахарить невесте*, чтобы развести ее с женихом, *накормить в окрошке*, чтобы рассорить мужа с женой, *наговорить на воду, на масло, на соль и скормить* это тому человеку, на которого наводится порча. Еще один способ навлечь неприятности на кого-либо – *подбросить шерсть* с кошки и собаки, *шерсть с трех собак или сделать тороп*, т. е. выложить дорогу к дому чем-либо колючим (колюном). *Ну, шишки-ти, колючки-ти, и вот их срубят и кладут, как ёлку. Вот это колюн*. Все вышесказанное свидетельствует о том, что приведенные выражения помимо лингвистической содержат и культурологическую составляющую, которая не знакома носителю городской культуры. Поэтому при изучении лексики диалектов необходимо учитывать и понимать обрядовый дискурс.

В материалах отмечается, что избавиться от порчи можно с помощью ритуалов, связанных с магическими предметами и действиями: так, для защиты жениха и невесты от сглаза необходимо *подложить ладан* в их обувь, в гостях следует *сдувать* с пищи заклятия (*когда гуляете в гостях, всегда сдувайте, где бы ни была, ноги перекрысти*). Существуют магические приемы, возвращающие зло его отправителю: сжигание заговоренных предметов, шерсти, колюна и др. А для изгнания нежелательных и злых сил хозяйке в Великий четверг следует обойти дом, хозяйственные постройки и рассыпать вокруг них мак или зерна пшеницы, приговаривая: *Иду торной тропой, торной тропой, засыпаю чертову тропу*. Обход повторить трижды. *И вот пиена под порог. Пиена взяла и посыпала Богородице – ни один дьявол не перейдет*. В данном случае соединяется вербальный и акциональный оберег, в котором присутствует обычная для оберега магия границы, замещения плохого хорошим, на первый план выступает и семантика зерна (мака), имеющего как продуцирующую, так и охранительную функцию.

Во всех обследованных говорах продолжает бытовать множество быличек о волшебных кладах, об общении с умершими, о привидениях, колдунах, оборотнях. Заметим, что в настоящее время отмечается значительный интерес к быличкам, большое количество которых собрано и опубликовано в различных региональных этнографических и фольклорных центрах.

4. Достаточно полно сохраняется и похоронная обрядовость, воплощающая наиболее значимый рубеж – переход (возвращение) в иной мир. Обряд включает в себя следующие обязательные компоненты: голошение, собирание покойника в дорогу, одаривание присутствующих на похоронах (платками, ложками, стаканами), трапезу с поминовением усопших по определенным датам.

5. Две другие черты – пристрастие к праздникам, выражающееся в их обилии и пышности, милостыня, сопровождающая основные события в жизни человека, – отмечены нами только в нижегородских говорах. Подробно они будут охарактеризованы в докладе. Следы всех четырех признаков говоров Поветлужья мы находим и в московской городской культуре.

Изучение воинской субкультуры донского казачества в современных условиях

Т. Ю. Власкина

Южный научный центр РАН; Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Донское казачество, воинская субкультура, мужские магические практики

Аннотация. Анализ собранных в последние десятилетия устных материалов открывает возможности для изучения отдельных аспектов воинской субкультуры донского казачества. Такие перспективы связаны с использованием рукописных сборников охранительных и лечебных текстов, находящихся в настоящее время в живом бытовании, для реконструкции элементов воинского магики-эмпирического комплекса; с изучением случаев искажения гендерной трансмиссии мужских магических практик.

Современные исследования локальных составляющих этнографического пространства России характеризуют традиционную культуру казачеств как сложный сплав этнических и социально-профессиональных (воинских) компонентов, представленный множеством территориальных вариантов [Очерки... 2002] [Очерки... 2005]. При этом именно военно-служилые факторы оказали существенное воздействие на формирование подчеркнуто маскулинного образа, ставшего неотъемлемой частью этнографического своеобразия казачества [Матвеев, Матвеев 2005].

Предметное изучение собственно воинской субкультуры донского казачества (в отличие от изучения его военной истории, особенностей формирования ранних мужских сообществ на Дону и проч.) следует признать недостаточным. Сложившееся положение объективно связано с состоянием информативной базы по названному вопросу: по мнению исследователей мужских субкультур, реконструктивный потенциал текстов культуры в русле этой проблематики непосредственно соотносится с их гендерными характеристиками [Буганов 2004Ж 197]. Между тем письменные источники не позволяют рассмотреть многие аспекты темы, а устные – значительно обеднены и искажены существующей в среде носителей традиции гендерной диспропорцией.

За последние двадцать лет диалектологическими и этнолингвистическими экспедициями Ростовского госуниверситета [с 2007 года на базе Ростовского госуниверситета (РГУ) был образован Южный федеральный университет (ЮФУ)] на территории проживания носителей русских донских (казачьих) говоров был собран значительный фонд полевых материалов. Их анализ выявил перспективы для изучения ряда аспектов воинской субкультуры донских казаков.

Одно из перспективных направлений связано с использованием рукописных сборников охранительных и лечебных текстов, находящихся в настоящее время в живом бытовании, для реконструкции структуры и, отчасти, содержания воинского магики-эмпирического комплекса в составе на-

родных знаний донских казаков. Исследования такого рода основываются на выводах о возможности включения в рукописное собрание практикующего знахаря «унаследованных молитв» и об универсальности значительной части обережных текстов. Кроме того, широкое толкование «знающими» объекта воздействия свидетельствует о более широком, чем представлялось ранее, спектре ситуаций, требующих применения тех или иных специальных лечебных заговоров и магических практик.

Интересные возможности для изучения мужской воинской традиции в отраженном состоянии открывает фиксация случаев передачи мужских магических практик женщинам. Анализ нескольких интервью, записанных от представительниц казачьих семей, воспринявших воинские знания и навыки от отцов, не имевших сыновей, не только открывает доступ к редкой в настоящее время информации, но и показывает неоднозначное отношение общины к фактам сочетания женских и мужских практик. Подобная передача мужских традиций, вероятно не характерная для нормально функционирующих этносоциальных сообществ, стала возможной в условиях угасания сословных элементов в культуре казачества в 30–40-е гг. XX в.

Литература

- Буганов А. В. Воин-герой в исторической памяти русских // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов; отв. ред. Д. В. Громов, Н. А. Пушкарева. М., 2004. С. 197–204.
- Матвеев О. В., Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.
- Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ. ред. проф. Н. И. Бондаря. Т. 1. М.; Краснодар, 2002.
- Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ. ред. проф. Н. И. Бондаря. Т. 2. М.; Краснодар, 2005.

Плач и слезы в донских казачьих говорах (на материале глагольных лексем и фразем)

Н. А. Григорьева

Волгоградский государственный педагогический университет (Волгоград, Россия)

Диалектная картина мира, плач, семантика

Аннотация. Диалектные лексические и фразеологические единицы, содержащие сему «плач», рассматриваются в семантическом аспекте.

Плач является одним из интереснейших проявлений человеческой психики и мышления, которое может свидетельствовать о различных эмоциях (волнение, страх, гнев, радость), выступая все же прототипическим выражением печали. Также сам плач и его причины могут быть очень разными. В различных культурах может наблюдаться своеобразное отношение к нему. Логично предположить, что феномен плача находит отражение в языках и диалектах.

Методом сплошной выборки из Большого толкового словаря донского казачества и Словаря донских говоров Волгоградской области было обнаружено 68 синонимичных лексико-фразеологических единиц (глагольных), содержащих сему «плач», «слезы», из них только 11 с нейтральным значением действия: *егузить* «1. Плакать», *квасить* (*квелить*) *губы* «расстраиваться, плакать, огорчаться», *копелить губы* (*нос*) «дуться, сердиться // расстраиваться, плакать», *куксить губы* «расстраиваться, плакать», *развесить* (*распустить*) *фуни* «унывать, расстраиваться, плакать», *разводить мокроту* «плакать, расстраиваться», *распускать гуни* (*губы*,

нюни) «расстраиваться, плакать», *слеза прошибает* «кто-либо расстраивается, плачет», *слеза слезу догоняет* (*подгоняет*) «кто-либо расстраивается, плачет», *трепать губы* «1. Плакать», *ухать* «плакать» (все примеры взяты из [СДГВО 2006–2008], [БТСДК 2003] и материалов диалектологических экспедиций по Волгоградской области). Остальные противопоставляются друг другу либо объединяются в группы по различным семантическим признакам: **интенсивность плача** – *кричать крикма* (*криком*, *кричем*) «плакать очень сильно и продолжительно; громко и безудержно плакать», *оббунтаться* «1. Сильно плакать», *рѣвом* (*ревмя*) *реветь* «сильно, безудержно плакать; реветь навзрыль», *среветься* «изойти плачем, изреветься»; **частотность, продолжительность плача**: *накричатся* «наплакаться», *заливать короной* «проливать много слез», *заходиться от слѣз* «много и сильно плакать», *изойти слезами* «много плакать, проливать слезы»; **громкость плача**: *голосом голосить* «громко плакать», *кричать во всю губу* «громко кричать, реветь», *слезить* «тихо плакать»; **внезапность плача**: *взрыднуть* «внезапно громко всхлипнуть, зарыдать, сильно заплакать»;

дополнительное звуковое сопровождение плача: *гундеть* «2. Хныкать, плакать, издавая носом всхлипывающие звуки», *обголашивать* «1. Оплакивать, причитать», *процить* «причитать»; **«качество» плача:** *гундрить* «хныкать», *скигить* «1. Ныть, плакать, капризничать (о ребенке); 2. Плакаться, жаловаться (о взрослом)»; **возраст плачущего:** (о детях) – *брунчать* «3. Хныкать, надоедливо выпрашивать что-л.», *бунеть* «3. перен. Долго, громко, монотонно, нудно плакать», *гундривать* «2. Капризничать», *питеть* «плакать», *скигить* «1. Ныть, плакать, капризничать»; **цель плача:** *кричать* «2. Обряд. Плакать, приговаривая (обычно нараспев) слова жалобы; причитать, исполнять песни-плачи на свадьбе», *скигить* «2. Плакаться, жаловаться (о взрослом)»; **причина плача:** *кричать* «1. Пролить слезы от горя, боли т. п., плакать», *слезы открылись* «о плаче от волнения»; **стадия плача:** *растрепать губы* «1. Заплакать», *отрюмить* «перестать плакать», *заголосить* «начать оплакивать с причитаниями покойника», *закричать* «заплакать»; **время протекания плача:** *погундрить* «похныкать», *плакануть* «всплакнуть», *порюмить* «поплакать», *проплакаться* «проплакать» и нек. др.

Однако эти признаки выделены условно, поскольку зачастую они объединяются в одной единице, например, *кричать по-мёртвому* «сильно рыдать, плакать навзрыд, с причитаниями (как по покойнику)». В данном случае актуальны семы интенсивности, сопровождения причитаниями, громкости.

Особое место среди единиц описываемой ЛСГ занимают тавтологические сочетания. Во-первых, подобные глагольно-именные сочетания являются фактом истории русского языка XI–XII столетий. По мнению ученых, они отражали широко распространенный в древности тип мышления, требующий дополнительной конкретизации описываемых событий. Во-вторых, в составе диалектной речи тавтологическим сочетаниям отведена роль интенсификатора семантики. Среди тавтологических единиц анализируемой тематики можно выделить различные структурные типы: а) **деепричастие или наречие (отсубстантивное) + глагол:** *ревмя реветь* «реветь навзрыд», *рёвом реветь* «сильно, безутешно плакать», *кричем кричать* «горько, сильно плакать», *криком кричать* «плакать очень сильно и продолжительно / громко, безутешно плакать», *криком кричать* «плакать очень сильно и продолжительно / громко, безутешно плакать», *криком кричать* «плакать очень сильно и продолжительно», *голосом голосить* «громко плакать», *слезьми кричать (закричать)* «горько, сильно плакать (заплакать) / причитать (запричитать)»; б) **хоть + наречие /**

деепр. + глагол, хоть + наречие / деепр. + глагол: *хоть сидя плачь, хоть стоя реви* «о крайне тяжелом, безвыходном положении».

Известно, что диалект выступает одним из важных источников истории языка. Например, во фразеологической единице *кричем кричать* четко просматривается внутренняя форма. Наречный компонент *кричем* образован от имени существительного в творительном падеже, которое отсутствует в современном русском языке, но в «Материалах для словаря древне-русского языка» *кричь* «крик» [Срезневский 1893: 1325], а в «Словаре церковно-славянского и русского языка» [СЦСиРЯ 1847: 223] данная лексема идет с пометой *стар.*

Плач является и элементом обрядов донских казаков (похороны, проводы в армию, свадьба). Закономерно, что это историко-культурное явление отразилось и в диалекте. Например, для обозначения свадебного плача в донских казачьих говорах используются следующие единицы: **делать крикухи (крикушки)** «Обряд. Часть свадьбы: плач подруг в доме невесты» *Крикухи делают: заходят ф кухню, плачут на невесту дефки две недели; кричать* «2. Обряд. Плакать, приговаривая (обычно нараспев) слова жалобы; причитать, исполнять песни-плачи на свадьбе. *Батка кричала песню на-невестину; обголашивать невесту* «Обряд. Отпевать невесту перед приездом храброго поезда»; **откличивать зори** «плакать по вечерам на свадьбу» *Зори аткличивали, толька на вичарам, плакали на свадьбу; проливать слёзы* «Свад. обычай: за день до свадьбы проводят девичник. Девушки поют, грызут семечки. Потом отпевают невесту, а она горюет, “слезы проливает”»; **плакать** «Обряд. причитать (о невесте)» *Нивеста плачить*.

Таким образом, плач является одним из значимых компонентов диалектной картины мира донских казаков, что подтверждается многообразием форм и способов его вербализации.

Литература

- Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003 (= БТСДК).
 Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1–5. Волгоград, 2006–2008 (= СДГВО).
 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847 (= СЦСиРЯ).
 Срезневский И. И. Материалы словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893.

Особенности употребления видов-временных глагольных форм в архангельских говорах и славянских литературных языках

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Совершенный вид, несовершенный вид, функционирование

Аннотация. В докладе рассматриваются некоторые особенности функционирования глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи, сближающие их со славянскими языками.

Исследователи славянских литературных языков, анализируя особенности функционирования видов-временных глагольных форм в этих языках в сравнении с русским литературным языком [Петрухина 1978]; [Петрухина 2000]; [Смирнов 1971]; [Широкова 1998], обычно отмечают:

- 1) большую степень грамматичности вида в болгарском языке по сравнению с русским и другими славянскими языками;
- 2) наличие многократных глаголов в западнославянских языках;
- 3) употребление глаголов как несовершенного, так и совершенного вида в контекстах со значением длительности и кратности действия;
- 4) синонимичность конструкций «никогда + отрицательная форма претерита совершенного вида» и «никогда + отрицательная форма претерита несовершенного вида».

Встречающиеся в русском литературном языке отдельные случаи подобного употребления (например, глаголов совершенного вида со значением кратности и длительности действия) рассматриваются обычно как явления языковой аномалии (или свидетельство развития элементов аналитизма), существующие, однако, на протяжении длительного времени [Гловинская 2008: 223–224].

Наблюдения в течение многих лет над архангельскими народными говорами (во время диалектологических экспедиций, а также по материалам богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря», хранящейся в кабинете диалектологии МГУ им. М. В. Ломоносова), показали, что, с одной стороны, в исследуемых говорах более широк потенциал глагольных форм совершенного вида, так как отмечается их сочетание:

- 1) с количественными группами (обычно это числительное или местоимение + существительное), указывающими на неоднократность действия: *Почти каждой день вытьё. Я сколько раз запнусь. Много рас упал. Осинника много, по многу рас привезли;*
- 2) с наречиями меры и степени: *Раз дет ес гороховицю – я и почяще её сварю. Море цясто покойных вывалит водой;*
- 3) с наречием *всё* (=постоянно, все время): *Она всё пошла на бор. Этта много сыроек-то было, он всё наносит, ушат наносит. Я всё к ей посижу;*
- 4) с наречием *никогда* (и словами, близкими ему по значению, в отрицательных конструкциях): *Никогда мне не сказал, что ты вот не води (гостей). Навеку ни жэрдины, ни кола не привёс;*

5) со словами, указывающими на различную степень длительности: *Намаялся долго. Вчерась в магазине долго насмеялся.*

Характерно для говоров и удвоение глаголов совершенного вида: *Переселся, заболел, заболел да помер. Вот эту фсю выкокишит, выкокишит* (осину для лодки).

Кроме того, обращает на себя внимание органичное соседство разных видо-временных форм в одном контексте. Такое свободное употребление глаголов обоих видов придает зримость, конкретность повествованию. Следует предположить, что указанные черты были свойственны русскому языку на более ранних стадиях его развития и известны древнерусскому языку. Так, О. С. Плотникова считает, что ранее глаголы совершенного вида были более активны в выражении значений кратности и узуальности действия [Плотникова 1998].

С другой стороны, в говорах достаточно «силен» и несовершенный вид, поскольку средства имперфективации используются более последовательно и широко, чем в нормированном языке. Так, имперфективы образуются и от тех глаголов, от которых их нет в литературном языке: *вытерпеть – вытерпливать, зашуметь – зашумливать, сделать – сдывать* (В колхозе фсё руками зделывали, роботы фсякой было). Примечательно, что от отмеченных в некоторых районах Архангельской области так называемых «местоглагольных слов» [Закревская 2004: 50–51] тоже образуются имперфективы: *Стали фсех в одно место стогадивать, дак ы стогодили.*

Другой особенностью говоров [Ровнова 1997: 174], как, вероятно, и разговорной речи вообще, является образование ряда имперфективов по другой модели, нежели в литературном языке: *помянуть – поминывать, рознести – рознашивать, принять – принимывать* (Назём рознашивам носилками). Ср. в одном из ответов В. В. Путина на пресс-конференции: *Сроков реформирования правительства никто никогда не обозначивал.*

Диалектологический атлас русского языка и современные говоры

И. И. Исаев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Диалектологический атлас русского языка, диалектология, фонетика

Аннотация. Диалектологический атлас русского языка имеет в своей основе огромный материал, собранный в четырех с лишним тысячах населенных пунктов в Центре Европейской части СССР. Работа велась на протяжении полувека большим научным коллективом преподавателей и студентов вузов под руководством сектора диалектологии Института русского языка РАН. До сих пор диалектологами и историками языка обнаруживаются новые диалектные черты в современных говорах, а известные прежде получают новое научное определение.

Материал ДАРЯ собирался по программе, которая отражала важнейшие известные в то время классификационные признаки. (Программу собирания сведений для составления ДАРЯ и методические рекомендации можно посмотреть в электронном виде на сайте <http://iisaev.narod.ru/> в разделе «Материалы» или на веб-странице отдела диалектологии ИРЯ РАН <http://ruslang.ru/>.) Сбор одних фактов требовал минимальной лингвистической подготовки и был доступен студентам, сбор других фактов обязывал исследователя иметь специальную подготовку. Естественно, что Атлас не лишен недостатков, в том числе – в части собранного материала, но основное достижение ДАРЯ – установление группировки говоров на материале русского языка – остается ведущим в ряду прочих достоинств труда.

В 1999–2008 гг. был проведен ряд экспедиций в села Гусь-Хрустального района Владимирской области и Спас-Клепиковского района Рязанской области. Обследовано 38 населенных пунктов. По классификации Захаровой – Орловой это восточные среднерусские акающие и окающие говоры. Их характеризует весь комплекс черт, отмеченных в монографии 1970 г. «Диалектное членение русского языка».

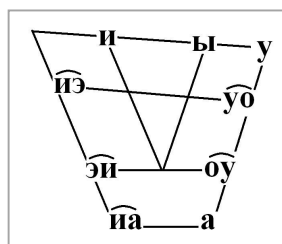
1. Наиболее архаичным является акающий говор бывшей Палищенской волости Касимовского уезда Рязанской губернии. Старшая норма говора обнаруживает следующую систему гласных.

Верхний подъем. Гласный [и] верхнего подъема передне-среднего ряда, акустически производит впечатление «украинского» [и], гласный [ы] верхнего подъема средне-заднего ряда, низкий тембр гласного и более заднее образование

Итак, функциональная нагрузка глагольных форм совершенного вида в архангельских говорах более велика, чем в кодифицированном языке, т. к. данные формы могут употребляться при обозначении не только единичных, но и повторяющихся и длительных действий, что сближает русские диалекты с некоторыми западнославянскими языками. По употреблению же форм несовершенного вида, по возможности образования имперфектива почти от любого глагола наши говоры сближаются с болгарским языком.

Литература

- Гловинская М. Я. Функционирование видо-временных форм. Сближение русского языка с другими славянскими языками // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
- Закревская В. А. Местоглагольные слова в архангельских говорах // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции. М. 2004.
- Петрухина Е. В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида в чешском языке в сравнении с русским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плотникова О. С. Проблемы сопоставительного изучения славянского вида в диахронии // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Ровнова О. Г. Современные русские говоры в аспектологическом плане // Труды аспектологического семинара филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997.
- Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.

приближают его к [у], кроме того, замечены случаи, когда [ы] имеет лабиализацию ([тʲи̯квə]). Вероятно, что лабиализация возникает не вследствие контакта с губными гласными, а в результате создания «трубы» с двумя фокусами. Гласный [ы] воспринимается носителем как задний гласный и, как всякий задний

русский гласный, получает лабиализацию. Гласный [у] заднего подъема не имеет контраста с [ы], зоны «безопасности» этих гласных сближены. Способом увеличить контраст гласных [ы] – [у] является заметное понижение подъема [у].

Верхне-средний подъем распределен между понижающимися дифтонгами (при образовании таких гласных понижается подъем). Передний ряд занят дифтонгом [иэ], реализующим «ять», задний ряд занят дифтонгом [ио], представляющим «омегу».

Средне-нижний подъем сформирован повышающимися дифтонгами [эи] – [оу]. Важно, что [эи] является ущербным, по каким-то причинам он исчезает быстрее, чем все остальные дифтонги говора.

В октябре этого года в деревне Рязаново была записана любопытная метаязыковая зарисовка, иллюстрирующая разницу произношения с соседними окающими говорами: «У них там как-то на [џ] говорят, [кџшкэ], а у нас помягче [кушкэ]». Для яркого сравнения гласный первого слова был произнесен информантом открыто: [џ].

В нижнем подъеме два гласных: передний [iа] и непередний [a]. Гласный [iа] после губных согласных может быть реализован сочетанием [ja] ([pjátʹ]).

2. Парные согласные палищенского говора сегодня четко противопоставлены по признаку «глухость – звонкость», однако в современном состоянии угадывается предшествующее распределение по напряженности – ненапряженности. Глухие согласные говора значительно напряженнее глухих согласных литературного типа, что хорошо видно на спектрограммах.

Противопоставление согласных по признаку «твердость – мягкость» и сегодня не вполне очевидно. Значительную роль в распределении твердых и мягких слогов играют гласные. Прежде всего это отмечается у губных ([páčʹ:irʹ:icə] – [pʹ:iatʹ] или [pjátʹ]). Слабость противопоставления твердых – мягких слогов основывается на иной артикуляцион-

ной базе говора. У переднеязычных и губных это противопоставление наименее выражено. Переднеязычные согласные (особенно щелевые) дают возможность проследить, что гласный после «мягких» согласных непередний, а мягкость согласного появляется только в самом конце звучания.

3. Названные черты являются общими для окающих и акающих говоров на этой территории. Совпадение же изоглоссы оканья – аканья и некоторых других с губернской границей Рязань – Владимир ставит под сомнение их древность в регионе, обнаруживая, возможно, общую основу говоров, разделенных в настоящем диалектной границей.

4. Такой говор не единственный, при анализе фонетической системы говора села Роговатое Старооскольского района Белгородской области мы с Д. М. Савиновым, научным сотрудником ИРЯ РАН, обнаружили похожие черты.

Отражение «временного профиля» славянской традиционной культуры в диалектном дискурсе

Г. В. Калиткина

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Традиционная культура, темпоральность культуры, диалект, лексика

Аннотация. Вопреки сложившейся традиции выносить глаголы за скобки лексико-семантического класса русских темпоральных обозначений, циклическая модель времени, характерная для традиционной культуры, приводит к «акциональной» концептуализации времени. Ряд функционирующих в диалектном дискурсе производных глаголов входит в темпоральный лексический пласт, который отражает специфический локальный опыт проживания годового цикла.

На рубеже XX–XXI вв. Россия переживает сильную маргинализацию. Это подразумевает вопрос о месте нашей страны в мире, ее перспективах и пути развития и обостряет проблематику этнического самосознания, культуры, языка. Отсюда интерес и общества в целом, и науки к феномену традиционной культуры. Данный тип культуры исторически связан с земледельческими цивилизациями и крестьянскими общинами, как целостная система он функционировал в нашей стране еще в первой трети XX в., а его конститутивные черты сохраняются и поныне. Традиционная культура, несмотря на свое существование в форме многочисленных диалектных, по Н. И. Толстому, вариантов, во многом концентрирует национальную специфику.

Под темпоральностью культуры мы понимаем единицы времени, стратегии, нормы, символы, ценности и ожидания, связанные с ним. Темпоральность отражается в том числе и дискурсом, а применительно к традиционной культуре – диалектным дискурсом. Термин «временной профиль» общества был предложен в 1990-е гг. социологом П. Штомпой [Штомпка 1996]. Он представляется наиболее удобным для обозначения темпоральных характеристик, которые определяют тип общества (культуры): глубины осознания времени, преобладания циклической / линейной модели времени, ретроспективной / проспективной ориентации, социально ожидаемых длительностей, ритмов и интервалов.

Последний аспект, выявляемый и в словаре, и в дискурсивной практике, отвечает условиям коммуникативной выделенности, высокой разработанности. Длительности, ритмы и интервалы характеризуют деятельность и действия человека, создающие не только артефакты, но и опыт, внутренний мир, нормы и критерии. «Не случайно к миру приложимо определение *действительный*, а сам он (его состояние) обозначается существительным *действительность*», – пишет Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1992: 3]. В 1992 г. Ю. С. Степанов и С. Г. Проскурин [Степанов, Проскурин 1992] выделили типы действий (упорядочивающие, обрабатывающие и добывающие), связав их не только с редукцией / полной разверткой соответствующей актантной структуры, но и с типом культуры. Авторы отметили, что в архаических культурах земледельческого, скотоводческого, а также охотничьего типа, связанных с календарным циклом, обрабатывающие действия концептуализируются и ритуализируются как рекуррентные, повторяющиеся по календарному принципу. Добывающие действия становятся основным признаком культур другого, не «календарного» типа, в котором допускается концепт уникального, неповторимого действия. С этой точки зрения в текстах дискурса русских старожиллов Среднего Приобья функционирует своеобразная производная глагольная лексика: несмотря на сложив-

шуюся традицию выносить глаголы за скобки лексико-семантического класса русских темпоральных обозначений, они описывают стык природно-социальных временных отношений в традиционной культуре. Время при этом концептуализируется в качестве «вместилища» не только неких событий, но и действий.

Один аспект подобной концептуализации связан с представлением временных континуумов как заполняемых доминирующей деятельностью, в разной степени ритуализованной. Составляющие ее разнородные действия могут требовать строгой последовательности, освящаемой культом (*праздничать / праздновать: Бывало, у людей-то раньше праздник был, всеобщее праздновали. А сейчас ты прázдникаешь – они работают*), но могут быть и полупроизвольными, соединенными лишь профанной привычкой (*вечерничать / вечеровать / вечерять: В бане вечеровали. В воскресенье делали вечерку*). Объем данных континуумов и их природа также весьма различаются, отражая социально востребованные крестьянской общиной ритмы и интервалы (*векковать, годововать, часовать; дневать, сумерничать* и т. д.). При универсальном не только в славянской культуре статусе данных временных континуумов можно, однако, говорить и о культурно-языковом диалектном своеобразии такой концептуализации, что связано с полным (*Зимовать – зиму жить, летовать – летом, весновать – весной, осенывать – это осенью*) или редуцированным (*Сегодня суботничают, завтра праздновать*) характером среднеобских глагольных парадигм на фоне иных диалектных систем или литературного языка, о специфике лексического значения и т. д.

Противопоставленный аспект концептуализации репрезентируют действия, которые имеют строгую «внешнюю» темпоральную локализацию. На сегодняшний день на славянском материале довольно полно описана регламентация не только ритуальной, но и профанной производственной деятельности именно в темпоральном аспекте. Она связана с представлением о том, что в запретное или неудачное время действие приносит вред не только человеку, его совершившему, но и всему сообществу и мирозданию. Характер таких действий разнороден, и в силу этого некоторые из них могут перерасти в поведение и деятельность. При этом в дискурсе широко представлено, например, алиментарное поведение: *постить / постовать / постничать, молосничать, суповничать, чаевать / чаёвничать / чайничать, утренничать, полудновать, вечерничать* и т. д. «Плотное» номинативное оформление имеют производственные (хозяйственные) действия, поскольку в традиционной культуре они регламентировались также природной сезонностью. Здесь закономерно эксплицируется специфика местных промы-

слов: *шишкарить / шишкать / шишковать / шишкობойничать / шишковничать, орешничать, кедрачевать / кедровать*. Интересно, что в среднеобских говорах глаголы охоты и рыболовства прямо и ярко противопоставлены по преобладающему мотивирующему признаку (объект и орудие): *белковать, бурундуковать, зверовать, кротовать, лисовать / лисятничать* и т. д.; *ботить / ботовать, броднить, куревать, лучить* и т. д.

Таким образом, традиционная культура в ее диалектных формах концептуализирует циклическое время в том числе через доминирующие в том или ином темпоральном континууме действия. В результате «временной профили» традиционной культуры максимально индивидуализирован при

существовании инвариантного для многих славянских культур литургического времени православного культа. Современная культура обезличивает время, не только секуляризируя его, но и наполняя деятельностью иного типа, которая оказывается «всевременной».

Литература

- Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 5–14.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996 (1993).

Представление о времени в диалектной картине мира

Ю. В. Каменская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Диалектная картина мира, гиперконцепт время

Аннотация. Базовая для диалектной картины мира категория времени представляет собой гиперконцепт со сложной структурой. Структурообразующими оппозициями этого гиперконцепта становятся оппозиции *прошлое – настоящее и будущее – будущее*.

Категория *времени* является важной составляющей диалектной картины мира и может быть представлена как гиперконцепт, т. е. ментальная структура, отражающая взаимосвязь концептов. Особенность гиперконцепта *время* в том, что помимо лексико-семантических репрезентантов в рамках этого концепта присутствуют и грамматические способы актуализации, поскольку время является грамматической категорией.

Материалом анализа является случайная выборка из корпусов диалектных текстов «Говор села Белогорное» и «Говор села Земляные хутора». Нами было выбрано 45 текстов общим объемом 157 страниц печатного текста. Тексты представляют собой расшифрованные магнитофонные записи, собранные в экспедициях 1996–2007 гг. в селах Белогорное и Земляные хутора Саратовской области.

Методическая база исследования детерминирована особенностями нашего материала: наиболее продуктивной оказалась оппозитивная методика анализа концепта. Основными концептуальными оппозициями, организующими структуру гиперконцепта *время*, являются оппозиции *прошлое / настоящее и будущее (прошлое и настоящее) / будущее*

Оппозиция *прошлое / настоящее* актуализируется с помощью лексем *раньше, сейчас, прежде, теперь, тогда*:

- *А тогда дочка жили / знаешь как плохо / это вот сейчас маленько деньжонок / а тогда их не было / вот / какие деньги были / плохо жили / сейчас вот еще / слава богу / все есть / доступно / живем / пенсию все-таки платят вовремя.*

Наш материал показывает, что данная оппозиция очень значима в диалектной картине мира. Оппозиции являются собой способ познания мира через сравнение. В случае с оппозицией «прошлое / настоящее» сравниваются два фрагмента действительности, отличающиеся не только расстоянием во времени, но и отношениями между людьми, общественным укладом и т. д. Настоящее чаще всего является тем, что необходимо понять, познать, и один из путей познания – сравнение с уже прожитым, а потому более понятным прошлым. Соответственно, прошлое становится нормой:

- *Наше село / вторая Москва // народу было очень много тут / тут бешком было всё набито / порядок тут был / а сейчас одни беспорядки / (порядок, т. е. существовавшие строгие правила в семейной и общественной жизни, регламентация жизни – это хорошо, это является нормой с точки зрения информанта, а современная жизнь отличается отсутствием такой регламентации и потому представляется собой антинорму в сознании диалектоносителя).*

Резкое противопоставление прошлого и настоящего в сознании диалектоносителей обусловлено глобальными изменениями в жизни страны. Жителям деревни трудно зачастую не только осознать, но и описать эти изменения:

- *Щас вообще не поймёшь чё / в чём дело / жизнь // такую натворили и... только бы не вспыхнул пожар // войны я имею в виду // это ведь будет гибель / гибель.*

Несмотря на преобладающую негативную оценку настоящего внутри оппозиции, тем не менее нередки контексты, в которых оппозиция «прошлое / настоящее» имеет иное ценностное осмысление:

- *Сейчас село-то как село // а раньше зайдешь в село так вмиг скажешь / разве тут село / тут чет это убожество / ни одного дома было не найдешь... / шифер тогда вообще понятия не имели / и... одна сплошная солома.*

Чаще всего в контекстах, где настоящее, противопоставленное прошлому, получает мелиоративную оценку, положительно оценивается материальный аспект жизни. Пейоративная оценка настоящего в оппозиции «прошлое / настоящее» обусловлена, как правило, вниманием диалектоносителя к нематериальным ценностям, отношениям между людьми:

- *Сейчас народ пошел все ну / сейчас какая жизнь // сейчас каждый для себя / а остальное меня это не касается // как ты там живешь / что ты живешь // эта не касается никому / а все только сейчас для себя // говорят жизнь лучше стала / а мне кажется нет // Мы раньше бедней были / честней были и такова не была //*

Концепт *будущее* в нашем материале по сравнению с *настоящим* и особенно *прошлым* актуализирован очень слабо. В оппозиции *будущее / будущее* будущее противопоставлено прошлому и настоящему по концептуальному признаку «реальности – ирреальности». Будущее в сознании диалектоносителей концептуально не оформлено, вероятно, именно вследствие нереальности: настоящее по определению является реальным, но и прошлое для носителей диалекта обладает такой же неоспоримой реальностью. Контексты, актуализирующие тему будущего, часто и грамматически оформляются в рамках ирреальной модальности:

- *В четверг должна приехать // В четверг должна утром приехать / (...) Ну / а как там / може билет не дадут / може поезд не тот пойдёт.*

В речи наших информантов, конечно, используется грамматически оформленное реальное будущее время. В подавляющем большинстве случаев это ближайшее будущее, ограниченное рамками одной недели:

- *Вот / завтра будет базар у нас / придут // И в пятницу придут // Два дня в неделю к нам приезжают // Всего привозят / только деньги неси больше //*

Будущее времени также реализуется в обобщающих высказываниях, имеющих бытийный характер:

- *Я же не вино вот этих вот / допустим / ну / ну / если уж человек так / если он родился ягненок / он ягненок и будет // Родился волчком / он будет волком // Ну / так и человек (смеется) / родился каким-то умным / он и будет Менделеев / там / или Ломоносов / а родился такой вот / ну и что ж / ну что об этом сожалеть // И что / все должны быть Менделеевы / что ли / или все должны быть какие-то эти / ну?*

Актуализация будущего времени, имеющего обобщающее, бытийное значение, обусловлена индивидуальными

особенностями языковой личности конкретного диалектоносителя, его склонностью к отвлеченным размышлениям. Приведенный выше контекст является фрагментом речи жителя села Белогорное М. Мирошина. Все тексты, записанные нами от этого информанта, в жанровом отношении являются собой рассуждения, часто – именно рассуждения о будущем. Очень интересно то обстоятельство, что будущее в текстах этого информанта получает положительную оценку. Размышления о будущем встречаются и в текстах других информантов, но их доля, по соотношению с рассужде-

ниями о прошлом и настоящем, очень невелика (и здесь проявляется структурный характер оппозиции «будущее / небудущее»). Как правило, рассуждения о будущем связаны или с судьбой молодого поколения, или имеют апокалипсический характер (это характерно для диалектоносителей старообрядцев):

- *Он придёт Антихрист / это будет дело // токо не скоро // а скоро в будущем / вот я «Оракул» получаю / журнал / там сказано / в шестнадцатом году / заступит Антихрист //.*

Кузенное родство в архангельских говорах

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Аннотация. В докладе будут рассмотрены термины кровного бокового родства, используемые для названия 'двоюродного брата' и 'двоюродной сестры' в архангельских говорах. В русском литературном языке это составные наименования: *двоюродный брат, двоюродная сестра*, однословные термины *кузен, кузина* являются заимствованиями из французского – они всем известны, однако однословному заимствованному термину не удалось вытеснить двучленное сочетание.

Синонимический ряд понятия 'двоюродный брат' в архангельских говорах содержит более 20 однословных лексем: *братан, братанец, братанка, братанко, братанушка, братанушко, братанчик...* двоеродник, двоюродик, двоюродник, двоюродничек, двоюродничей... и около 20 сочетаний: двоеродной (двоюродной, двоюродней, двуеродной, двуродней, двухъродной) брат, сродной брат, родной брат двоюродной; двородней (родной, сродной) братан, двоюродной братик (братишко, браток), двоюродной братанчик, двуродней братанка, второе колено.

Понятие 'двоюродная сестра' содержит более 40 однословных лексем: *сестра, сестреенка, сестрёна, сестрёнка, сестрененька, сестрёнка, сестреница, сестреница...; братанка, братынь; двоеродница, двородница, двоюрница, двоюроденка...; чича, чичка; двоюродная, двухъёродная* – и более десятка сочетаний: *двоюродная (двоюрная, двородная) сестра (сестреница, сеструнюшка, сеструха, сеструшка); сестра-двоюродница; двуродная сестреница (сестричка); двухъродная сестрёнка.*

1. 'Родной' и 'двоюродный' братья (и сестры) часто противопоставляются, для чего используются разные лексемы:

Брат – это родной, а двоюродной – братан. Они не братья, а братаны. Братанко – это не родной брат, двоюродный. Йесли родной – брат, йесли двоюродный – братанка.

Они не сёстры, а сестрёнки. Сеструха – это ужэ не родная сестра, двоюродна. Сёстра – родна, а от тётки и од дяди – фсё сестреница. Брад да сестра, а те – братан да сеструха. Сестра и сеструха, брат и братан.

Часто одни и те же лексемы обозначают как родного, так и двоюродного брата (родную и двоюродную сестру), иногда в пределах одного говора, поэтому для различения значений используются адъективы (чаще всего *родной* и *двоюродной*) – таким образом, наименование становится составным:

Братан кликнут хоть родного, хоть двоюродного. Родного можно назвать брателком и двуродного. Можэт ы родного назвать брательник, можэт ы двоюродного. Двоюродна сестра сестрицэй зовёш, и родную зовёш сестрицэй.

В «Архангельском областном словаре» (вып. 2) во многих случаях значения 'родной' и 'двоюродный брат' объединены: «Родной и двоюродный брат и ласк.». Унификация произошла в случаях, когда точное значение либо невозможно было установить по контексту, либо носители сами объединяли оба значения в пределах одного контекста. Однозначность дериватам с корнями *брат-*, *сестр-* придает только прилагательное *двоюродный / двоюродная* (и подобные ему):

Двоюродна сеструха, а сестра-то родная. Сестрёнка – двоюродна сестра. А это буде мне сеструха, двоюродна сестра, вот мы и ходимся. Брат – это родной, а двоюродный – братан, двоюродна сестра или сестреница, раньше звали братынь.

Иногда дериваты употребляются с прилагательным *родной (сродной, родимый)*, несмотря на то что речь идет именно о 'двоюродном брате' ('двоюродной сестре').

Сима Олёшын, он жэнився, мне-то братан родной, братья у нас отци. Сродны братья – оцы братья, а дефьки – сродны сёстры. Сродной братан, ковды оци братья. Матери у нас сёстры, мы с йей сестрёнки родимы. Катенька и я – родимы сестрёнки, у нас оци братья были.

Адъектив *родной* может присоединяться к устойчивому сочетанию *двоюродный брат*:

Тёта говорила, рострелял родной брад двоюродной.

И все же многие дериваты от корня *брат-*, а также лексемы от составных корней типа *двоюрод-* обозначают только двоюродного брата (сестру):

Братанець буде мне по матери. Они братики-двоюродники и там две сестрички. Йесъ йешио племянница од двоюродника. Двоюродница, йежэли йейный брат, он ужэ мне двоюродник. Двоюродничек у меня был прецедатель колхоза.

Двоюродная сестра, значительно старшая по возрасту, – *чича, чичка*:

Цицкой ране звали двоюродную сестру, старшую. Раньшэ йешо чичькой звали, йесли тебя старшэ двоюродна сестра. Цицка – двоюродна сестра, цицка Люпка.

Т. к. слово *чича, чичка* оказалось необщепотребительным – оно стало «неудобным», его начали заменять:

Это я нынче тётку Насьтю стала тёткой звать, а раньше чичя Насьтя, чичя Дуня. Чичями неудобно тожо, вот перешла на тётку Насьтю. Тёта Насьтя, я пойду.

2. Термины, обозначающие кузенное родство, зафиксированы не только в номинативной, но и в вокативной функциях:

Правду сказать, братан, мало она здорова, сеструха-та. Я щяс только, братанушко, и явился. Уш родимый-то мой брателко... – причитали. Я четверых родила, сестреница, ты, говорит, грыжу заговаривай. Вот ходит ко мне: ну довай бат, сестрица, садись, чяю попей. Сеструха, опохмель-ко меня, я тебе што хожэ зделаю. Ой, двоюроденка, у тебя ума палата.

Обращения *брат, братец, братаха* направлены не к брату (родному или двоюродному), а к любому лицу мужского пола – неродственнику или даже к лицу любого пола и возраста (в том числе к девушке, женщине) и даже к нескольким лицам, т. е. здесь мы имеем дело с экстраполяцией терминов кровного родства на неродственников:

Дак йей, брат, и хорошо з дочерью-то. Да што-то я ленива, брат, два раза валилась. Сиди, брат, не выкуривай. Написалась ты много, досыта, у тебя, брат, ходит

быстро. Братаха, ты што, говорит, братаха! Таки дела, дефки-ребята-братцы.

Обращение может переходить в междометие:

Ой, не стучу ни грому не боица – братцы мои, какой он смелый, дак ой!

В обращении к брату, сестре (родным и двоюродным) чаще использовалось имя, а не термин.

3. Слова, включающие понятия 'двоюродный брат' распределены по 1–2 склонениям, большинство из них относится к 2 склонению, муж. и сред. роду. Лексемы, грамматически относящиеся к среднему роду, на синтаксическом уровне относятся к мужскому роду – либо синтаксическое выражение у них не представлено:

А брателку пятой гот шол, был один брателко. Брателко был. А брателко приехал, говорит: забирай ты мой дом. Пришел, стукнул под окошко брателко преподобный. Четверо детей прижыл мой братко.

Слова, включающие понятие 'двоюродная сестра', относятся к 1 скл. жен. рода, кроме лексем *братынь* (3 скл.) и *двоюродничек* (2 скл.).

Анна Ивановна – это двоюродничек. Брат – это родной, а двоюродный – братан, двоюродна сестра или сестреница, раньше звали братынь.

Лексема **братанка** (1 скл.) оказалась употребленной как в мужском, так и в женском роде:

Йесли родной – брат, йесли двоюродный – братанка. Братанка – двоюродный брат. У меня в Москвы сеструха и братанка. Вы там г братанке наизей ходите, к Василиске. Маримьяна-то мне од братанка.

Сложные прилагательные в интересующей нас группе могут использоваться как адъективы, уточняя значение и тем самым входя в составное наименование родства, а могут использоваться и в качестве субстантивов: **двоеродной**, **двоюродничей**, **двоюродной**, **двухъёродная**.

Память в слове и слово в памяти

Т. П. Лённгрэн

Университет г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Глагол, говор, актант, модель, парадигма

Аннотация. Исследование семантических потенций глагола *вязать* и его производных в русском литературном языке и народных говорах, а также анализ употребления глагола *вязать* в обрядовой лексике.

Каждому слову, как и каждому человеку, отпущен свой век и уготована своя судьба. В значении слов-долгожителю аккамулируются разные знания носителя языка об окружающем мире, что, в частности, ведет к появлению полисемии слов, известных в литературном языке и функционирующих в современных говорах. Например, случаи употребления глаголов, известных в одном значении в русском литературном языке и совершенно в другом значении в русских говорах: *беречь* 'угощать', *находить* 'рожать', *подавать* 'дарить'. Отдельное слово, запечатленное в памяти носителя языка, может быть уникальным хранителем исторических судеб целых поколений. В качестве печального примера можно привести употребление глагола *вязать* в значении 'арестовать' в речи людей, переживших страшные годы репрессий. В других случаях свидетели этого времени употребляют слова *арестовать*, *повязать*, *накрыть*, *схватить* и т. д.

В предлагаемом сообщении излагаются результаты исследования семантических потенций глагола *вязать* и его производных, известных как в русском литературном языке, так и в народных говорах. Глагол *вязать* и его производные

(в прямых значениях) могут относиться к разряду глаголов созидания и включать в свою валентность несколько актантов (*вяжет* – кто? что? из чего?). Сначала уточняется характеристика составляющих включенной актантной рамки глагола *вязать*. Затем определяется степень изменения актантной рамки у производных глаголов (*связать* / *связывать*, *перевязать* / *перевязывать*, *привязать* / *привязывать*, *увязать* / *увязывать* и т. д.), отглагольных существительных (*повязка*, *увязывание* и т. д.) и выясняются потенции, допущения и запреты как производной основы, так и словообразовательных формантов. Далее перечисляются и комментируются употребления глагола *вязать* и его производных в как в нейтральных, так и в стилистически маркированных контекстах.

Завершает исследование сопоставление семантических моделей внутрисловных и междусловных парадигматических отношений глагола *вязать* и его производных в русском литературном языке и народных говорах. К анализу также привлекается употребление этого глагола и в обрядовой лексике.

Фразеологизмы с общеславянским компонентом в русских говорах Республики Мордовия

Т. И. Мочалова

Мордовский государственный университет (Саранск, Россия)

Фразеологизм, общеславянский компонент, диалект, этнокультура

Аннотация. В работе анализируется компонентный состав фразеологических единиц, употребляющихся в русских говорах Мордовии, выявляются общеславянские элементы в их структуре.

Диалектные фразеологизмы отражают особенности восприятия действительности представителями определенного замкнутого социума, их национально-культурные традиции, содержат элементы эмпирического опыта, мифологические представления. По мнению Н. Ф. Алиференко, «именно фоновые знания, пресуппозиции, представления о значимости обозначаемого явления в системе ценностно-смысловой ориентации народа лежат в основе формирования семантики фразеологической единицы» [Алиференко 2005: 22]. Для всестороннего изучения фразеосочетаний, их смысловой емкости, структурной целостности необходимо знать и исторические процессы, происходившие в славянских языках, проводить сопоставительный анализ. Как отмечает В. М. Мокиенко, «сведения об исторических процессах, сопровождающих формирование славянских фразеологизмов, чрезвычайно скудны» [Мокиенко 1989: 5]. Отдельные вопросы фор-

мирования славянской фразеологии рассматривались в работах Н. М. Шанского, М. М. Копыленко, З. Д. Поповой и др. [Шанский 1985: 88–92]; [Копыленко, Попова 1989: 123–146], однако изучение проводится прежде всего на литературном материале, в то время как историческая интерпретация диалектной фразеологии остается малоизученной.

Данное исследование посвящено анализу фразеологических единиц с общеславянским компонентом, употребляющихся в русских говорах Республики Мордовия. Исследование проводится на материале «Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия» Р. В. Семенковой. Как показывает проведенное исследование, в состав диалектных фразеологизмов входят общеславянские компоненты определенных семантических групп.

1. Общеславянские компоненты, называющие части тела человека: *голова* (♦ *голову туманить* – 'вводить в заблужде-

ние»; ♦ *в мертвую голову* – ‘беспобудно, очень крепко (спать)’ и др.); *ухо / уши* (♦ *на ухо тяжелей* – ‘глухой’; ♦ *по ушам вижу* – ‘выражение уверенности в чем-л.’ и др.); *глаза* (♦ *глаза ломать* – ‘смотреть на кого-, что-л. против желания’; ♦ *как сейчас в глазу* – ‘отчетливо представляется что-л.’ и др.); *руки* (♦ *обить руки* – ‘отбить желание делать что-л.’; ♦ *руки опадают* – ‘об утрате желания делать что-л.’ и др.); *рот* (♦ *в рот не вгонись* – ‘о чем-л. невкусном’; ♦ *в рот расти* – ‘о несообразительном, бестолковом человеке’ и др.); *лицо* (♦ *от красного лица* – ‘имеющий красивую внешность (о человеке)’; ♦ *одно лицо* – ‘очень похожи друг на друга’ и др.); *губы* (♦ *губы расстрюкать* – ‘обидеться, надуть губы’; ♦ *отторлычивать губы* – ‘выражать неудовольствие, досаду’ и др.).

2. Общеславянские термины родства: *мама* (♦ *мама старенькая* – ‘мать отца или матери, бабушка’; ♦ *мама молоденькая* – ‘женщина по отношению к ее детям’ и др.); *бабушка* (♦ *как бабушкой отходить* – ‘о чем-л. неожиданно прекратившемся’; ♦ *бабушкин гриб* – ‘пластинчатый гриб из семейства груздей, чернушка’ и др.).

3. Общеславянские компоненты, называющие жилище человека, его части, предметы быта: ♦ *как в погребке расти* – ‘быть очень бледным’; ♦ *не свет в окошке* – ‘мало приятно-го’; ♦ *как ножом резать* – ‘о сильной, острой боли’ и др.

4. Общеславянские компоненты, называющие окружающий человека растительный (♦ *дорогой гриб*, ♦ *пищеничный гриб* – ‘белый гриб, боровик’; ♦ *как корнями обвести* – ‘приворожить’; ♦ *морковь беззубая* – ‘о старом, дряхлом человеке’ и др.) или животный мир (♦ *как круговая овца* – ‘ходить взад-вперед без дела’; ♦ *крылом обойти* – ‘миновать, пройти стороной’ и др.).

5. Общеславянские компоненты, называющие различные действия человека: зрительное восприятие (♦ *бугаем смотреть* – ‘иметь угрюмый, хмурый вид’; ♦ *на мазарки глядеть* – ‘быть близким к смерти’ и др.); бытие, существование (♦ *жить за людьми* – ‘жить за чужой счет’; ♦ *быть в мугутах* – ‘быть работоспособным’ и др.); движение, перемещение (♦ *ходить на манчи* – ‘уходить на заработки’; ♦ *ренку нести* – ‘обижаться’ и др.); физическое воздействие (♦ *болога берет* – ‘о состоянии скуки’; ♦ *как ножом резать* – ‘о сильной, острой боли’ и др.).

6. Общеславянские компоненты, обозначающие различные явления природы (♦ *как жаром обсыпает* – ‘кто-либо краснеет от стыда’; ♦ *на Троицу на льду разодратся* – ‘бесследно исчезнуть, пропасть’ и др.), особенности ландшафта (♦ *как крута гора* – ‘очень трудно, тяжело’; ♦ *об до-*

рогу не расшибешь – ‘твердый, черствый (о хлебе, пироге и т. п.)’ и др.).

7. Общеславянские компоненты, характеризующие умственные способности человека (♦ *с ума сбиться*, ♦ *с ума рехнуться* – ‘сойти с ума’; ♦ *брать / взять в разум* – ‘обращать внимание’ и др.).

8. Общеславянские компоненты, называющие временные отрезки: ♦ *года отходят* – ‘о приближающейся старости’; ♦ *взойти в года* – ‘в расцвете сил’; ♦ *в час молвить* – ‘в промежутках между основными занятиями, между делом’ и др.

9. Общеславянские компоненты-числительные, называющие количество (♦ *нет девятого винта* – ‘кто-л. придурковат, со странностями’; ♦ *за семь жизней* – ‘очень долго; на долгий срок’ и др.).

10. Общеславянские компоненты-местоимения, указывающие на человека или предмет (♦ *враг с ним* – ‘выражение вынужденного согласия’; ♦ *не помнить себя* – ‘не отдавать себе отчета в словах, поступках’; ♦ *расшиби меня гром* – ‘клятвенное заверение в истинности чего-л.’ и др.).

11. Общеславянские компоненты-прилагательные, обозначающие различные признаки (♦ *старое базло* – ‘старый человек’; ♦ *теплые сапоги* – ‘валенки’; ♦ *как милый свет* – ‘тихий, скромный, незаметный (о человеке)’; ♦ *как мазан грязный* – ‘очень грязный’; ♦ *как юша мокрый* – ‘очень мокрый’ и др.).

Таким образом, в русских говорах Республики Мордовия функционирует большое количество фразеологических единиц, имеющих в своей структуре общеславянские компоненты, что свидетельствует о длительной истории формирования диалектных фразеосочетаний, о единой для всех славянских языков основе. Примечательно, что они являются не только эмоционально-экспрессивными, оценочными языковыми средствами, но и представляют собой своеобразные способы отражения этнокультурного сознания: через внешние проявления в облике человека, окружающем его мире передаются различные отвлеченные понятия, формируется система ценностей.

Литература

- Алиференко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: Сб. науч. статей. М., 2005. С. 21–27.
Ковыленко М. М., Полова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.
Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.
Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

Русские говоры в общенародном контексте (проблемы развития и описания)

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Говор, диалект, субстандарт, региолект

Аннотация. В докладе анализируется проблема бытования русских диалектов в настоящее время и их включение в общенародный контекст. Предлагаются новые методы работы над диалектным материалом.

Рассмотрение проблем функционирования, бытования и описания народных говоров – представляют собой весьма различные сферы лингвистического анализа. К настоящему времени возможен различный подход к анализу основы существующих говоров, их типологического описания, территориального членения того или иного диалектного континуума, их генетической классификации. Однако в каждом отдельно взятом говоре вряд ли удастся найти черты, которые будут сопоставимы для всех составляющих русский язык диалектов. При наличии многочисленных исследований по типологии (см. работы Н. Н. Пшеничновой) и классификации русских говоров следует отметить, что пока находятся только в зачаточном состоянии гендерные исследования на материале русских говоров, также детской диалектной речи.

Следует отметить, что при изучении диалектов в современных условиях сталкиваемся с рядом трудностей как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Во-первых, современный говор, диалект не является, чем-то вроде *terra incognita*, поскольку практически все языковые ярусы большинства диалектов имеют какое-л. лингвистическое описание. Причем такого рода работы, проделанные

ранее в ситуации бытования диалекта как основной формы языка сельского жителя (крестьянина), отличаются качеством собранного материала и фундаментальностью анализа. Во-вторых, в такой ситуации нередко встает вопрос, а нужно ли сейчас заниматься сбором диалектных данных, анализом их характерных особенностей, если великие предшественники уже проделывали это неоднократно на высоком научном уровне.

Таким образом, нынешнее социально-экономическое положение в деревне ставит перед исследователем задачу интенсификации полевой работы с целью сбора последних фиксаций материала уходящей традиционной народной культуры и крестьянского быта и хозяйствования. Исходя из ситуации текущей трансформации и упадка диалектов, при проведении полевых записей следует фиксировать все факты, связанные с народной жизнью, в том числе: 1. Лингвистические данные: аппелятивная лексика, фонетика, грамматика; данные ономастики: топонимия, антропонимия, ойконимия и т. п. 2. Краеведческие данные, в том числе творчество местных писателей, ориентированное на местную народную жизнь. 3. Данные малых жанров фольклора. 4. Этнографические данные.

При анализе собранных данных нельзя обойтись без исторических сведений по исследуемому региону.

Таким образом, перед практическими диалектологами стоит задача фиксации состояния современного говора наиболее полно, т. е. речь идет о комплексном исследовании говора, а не только какой-то одной его стороны.

Что представляют собой сейчас народные говоры, следует ли говорить о речи и языке населения, проживающего в сельской местности, при их специфических языковых характеристиках с ареальной – географической привязкой. Или о территориальных разновидностях русского языка: при общенародной доминанте и периферических, нивелирующихся в настоящее время собственно диалектных особенностях, то, за чем стоит название региолект. Ответы, на такого рода вопросы, направленные в историческую ретроспективу и в ближайшую перспективу, будут различаться, поскольку говоры в прошлом, настоящем и будущем представляют собой не застывшие явления, а динамические развивающиеся системы, способные не только изменяться, но и кардинально перестраиваться. Общенародный язык и народные говоры всегда находились в динамическом взаимодействии, при взаимопроникновении всех ярусов языка. При главном отличии литературного языка от диалектной речи – наличие для первого нормы и возможность кодифицированной включенности любого его сегмента в письменной фиксации. Тогда как для говора понятие нормы, присутствующее в какой-то мере, – явление стихийное и поскольку не имеет письменной фиксации, трудно обозримо в исторической ретроспективе.

Чем же характеризуется современное состояние русских народных говоров? Наряду с важными для языкового воспроизводства диалектов неблагоприятными социальными условиями, ведущими к вымыванию населения из сельской местности, сокращению числа носителей, а нередко и исчезновению какого-л. говора, параллельно протекают несколько процессов, которые изменяют собственно языковые параметры говоров.

1. В первую очередь следует подчеркнуть усиливающееся влияние русского общенародного языка, хотя, вероятно, речь идет в основном о так называемом субстандарте, нежели о литературном языке.

2. Имеют хождение региональные варианты русского языка, которые имеет весьма устойчивый узус и широкое распространения во всех слоях языковых носителей.

3. Регулярная воспроизводимость диалектных черт утрачивается. Это касается всех ярусов диалектной речи, в первую очередь фонетики и морфологии. В настоящее время уже редки информанты, которые регулярно и полно воспроизводят в речи фонетические, морфологические и т. п. особенности родного говора. Можно утверждать, что сложилась ситуация, когда можно говорить о большей или меньшей сохранности диалектных особенностей отдельным носителем или группой носителей в затухающей диалектной среде.

4. Некоторые диалектные фонетические черты включаются в региональный субстандарт или по крайней мере в каком-л. данном регионе не являются предметом орфоэпической дискуссии, например, специфика вокализма: «оканье» на севернорусской территории является вполне органичной чертой (в Вологодской, Архангельской, Свердловской областях), элементы «яканья» – на южнорусской территории. Так же как, например, некоторые диалектные черты консонантизма: «г» фрикативное регулярно воспроизводится в Краснодарском крае, в том числе и в речи горожан, где народные говоры имеют украинскую (преимущественно) и южнорусскую (в меньшей степени) основу.

5. В то же время в городской среде можно отметить, как в настоящее время начинает преобладать спряжение глаголов по 1-му спряжению: *но́сят, вóзют, прóбуют*.

В то же время и система общенародного литературного языка испытывает постоянно диалектное давление. Наиболее подвержена такого рода воздействию лексическая система литературного языка. При наличии значительной лексикографической традиции русского литературного языка, имеется возможность проследить вхождение ряда лексем сугубо диалектного происхождения в словарь литературного языка. Так, например, Л. И. Балахонова, исследовав материалы двух первых сводных диалектных словарей («Опыт областного великорусского словаря»; Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»), констатировала, что многие представленные в них единицы вошли в современный литературный лексикон. Среди них имеются названия предметов и явлений природы: *затон, паводок, поземка, пурга, припай, тайга*; названия растений: *подберезовик, сухостой*; названия кушаний: *бублик, сушки* [Балахонова 1968: 23].

Процесс проникновения диалектной лексики в просторечие, в терминологические системы, в тексты прессы, а затем, поднимаясь до субстандарта, а далее и до вхождения в общенародный лексикон, продолжается и в настоящее время.

В русской диалектологии большое значение уделялось лексическим данным как легко вычленимому, дифференцирующему диалект ярусу языка. И соответственно русская диалектная лексикография, начиная со сводного «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г., имеет наиболее сильные устойчивые традиции, и по настоящее время эта сфера изучения говоров доминирует. В ИЛИ РАН продолжается и близка к концу работа по составлению «Словаря русских народных говоров», к 2007 г. вышел в свет 41 том. По завершению этой работы у исследователей будет в распоряжении полный свод диалектной лексики с начала XIX в. по настоящее время.

Литература

- Балахонова Л. И. Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 18–36.
- Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья. Республика Чувашия, Марий Эл. СПб., 2005.
- Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров (Пропспект) / Ред. Ф. П. Филин. Л., 1974.
- Программа собрания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / Отв. ред. И. А. Попов. Ч. 1–2. СПб., 1994.
- Пиеничнова Н. Н. Применение таксономического анализа классификации говоров // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Пиеничнова Н. Н. Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем // ОЛА. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Пиеничнова Н. Н. Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах // Русские народные говоры. М., 1983.
- Пиеничнова Н. Н. О значении статистических приемов в диалектологических исследованиях // Проблемы изучения говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.
- Пиеничнова Н. Н. Классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты. Лингво-географический аспект. М., 1987.
- Пиеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Общерусский компонент в динамике современных говоров

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Диалектный язык, вариантность, общерусские языковые средства

Аннотация. В докладе на материале семантики общерусских слов рассматривается роль и значение общерусского компонента в вариативности современных говоров.

Контур современной диалектологии как науки о структуре диалектного языка были определены и теоретически

обоснованы Р. И. Аванесовым. В его трудах были разработаны основные понятия структурной диалектологии, такие,

как диалектный язык и диалектное различие. Новаторские идеи Р. И. Аванесова позволили диалектологии как науке выйти на качественно новый уровень. Вместе с тем они оказались предметом научной дискуссии, основные положения которой касаются следующих моментов: диалектный язык – единая коммуникативная система, реально существующая в многообразии своих вариантов, или абстрактная научная постройка; диалектный язык и его *потенциальные* коммуникативные возможности; диалектный язык – макросистема с общими для диалектов и литературного языка и различительными явлениями или совокупность явлений, характерных только для диалектов.

В настоящее время большинство исследователей признает, что диалектный язык, как и национальный язык в целом, не имеет прямого соответствия с текстом, а *макросистема диалектного языка может быть представлена только на уровне модели*. Другой аспект проблемы касается *потенциальных* коммуникативных возможностей диалектного языка. Рассматривая макросистему как моделируемую в исследовательских целях величину, следует учитывать, что само понятие макросистемы относительно. Исследователь вправе заниматься моделированием макросистем разных рангов, в зависимости от поставленных задач и обследованной территории. Вполне правомерна постановка вопроса о макросистемах более низкого ранга, моделируемых на материале говоров, обладающих генетической и исторической общностью, занимающих достаточно компактную территорию и рассматриваемых как фрагменты общей макросистемы диалектного языка. Такой исследовательский прием вполне соотносится с характером диалектного членения русского языка, основной единицей которого являются группы говоров, характеризующиеся комплексом признаков, образующих звенья системы.

Потенциальные функциональные возможности макросистемы говоров одной диалектной группы достаточно высоки. Последнее связано не только с большой структурной и территориальной близостью говоров, на материале которых моделируется диалектная макросистема, но и с динамикой развития современных говоров, поддерживаемой явлениями экстралингвистического характера. Это процессы миграции населения в пределах района или области: поиски работы трудоспособной частью населения, переезд родителей к детям в районные центры или центральные села, смешение населения при ликвидации «неперспективных» деревень, наконец, просто смена местожительства по каким-либо причинам, в результате которых неизбежно возникают ситуации «столкновения» в одном контексте разных членов диалектного различия. Нельзя не учитывать также, что реально носителям диалекта бывают известны многие слова из соседних говоров, последнее также говорит в пользу их потенциальной воспроизводимости. Один из главнейших факторов – внутренняя эволюция говоров, приводящая к стиранию ярких диалектных различий, вероятно, прежде всего в лексике. Исследователи признают постепенное формирование новых форм народной разговорной речи: сельского просторечия [Колесов 1971], наддиалектной формы [Брызгунова 2006], региолекта [Герд 2005]. В содержании

понятия региолекта присутствует такой важный аспект, как региональная обусловленность эволюционных процессов, в результате которой новые формы народной речи, утрачивая яркие диалектные черты, сохраняют свою территориальную окрашенность.

Все сказанное выше дает основания предполагать, что имеются серьезные предпосылки для обретения макросистемами более низкого ранга свойств реального функционального тождества. Исследование, представленное в [Нефедова 2008], показало, что отличительной особенностью современных говоров, формирующих новые формы речевого общения, является функциональная значимость обиходно-разговорной лексики, вариативность которой опирается на *общерусский* компонент и поэтому практически не препятствует междиалектным контактам. Региональная окраска говоров во многом определяется характером варьирования *общерусских* лексических и словообразовательных средств.

Л. Л. Касаткин предложил новое понимание диалектного языка как совокупности «диалектных черт, свойственных диалектам данного языка и представленных на разных территориях членами междиалектных соответственных явлений – диалектных различий, отличающих диалекты друг от друга и от литературного языка» [Касаткин 2007]. Новое содержание термина, по мнению Л. Л. Касаткина, проводит четкую границу между литературным и диалектным языком. Однако эта граница далеко не всегда очевидна, что в первую очередь, вероятно, касается лексики и семантики. Опыт работы над «Архангельским областным словарем» показывает, что общерусские слова даже в своих исходных, непрямых значениях обнаруживают те или иные, часто тонкие и неуловимые, отличия от литературного языка, особенно сочетаемостного характера, не говоря уже о достаточно существенных различиях в их ассоциативном потенциале, проявляющемся в характере многозначности. Кроме того, общерусские слова в своих исходных, общих с литературным языком значениях обладают значительным словообразовательным потенциалом, обычно именно они являются центрами больших словообразовательных гнезд (см., например, *дом* и его производные в [АОС 2001: 357–400]), представление которых в диалектном словаре без производящего слова было бы ущербным. Осознание этого явления авторским коллективом Словаря имело серьезные лексикографические последствия: в последних томах АОС многозначные общерусские слова по возможности представлены полноструктурно, без отсечения значений, общих с литературными (см., например, *дорога, дорого, дорогой* [АОС 2004: 9–20], *досадить* [АОС 2004: 63 в содержании которого – 64], *доска* [АОС 2004: 78–82], *душа* [АОС 2004: 399–417]).

Литература

- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 11. М., 2001. Вып. 12. М., 2004 (= АОС).
 Касаткин Л. Л. Что такое диалектный язык // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). М., 2007.
 Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

Ареальное направление в этнолингвистике (на материале южнославянских языков и традиций)

А. А. Плотникова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Этнолингвистика, лингвогеография, ареалогия, лексика, народная духовная культура

Аннотация. Ареальное направление в этнолингвистике формируется в связи с накоплением большого картографического материала в сфере исследования терминологической лексики традиционной народной духовной культуры и соответствующих денотатов. Наиболее продвинутом в этом отношении становится южнославянский культурно-языковой континуум, на примере которого возможна презентация современного состояния ареальных проблем в этнолингвистике.

Ареалогия – наука о взаимодействии ареалов, изучающая их конфигурацию, совпадения и несовпадения с иными типами ареалов, получаемыми при картографировании явлений в смежных областях научного знания.

Ареалогия как метакартография, подразумевающая интерпретацию ареалов, основывается на данных, полученных методами картографирования, используемых в лингвогеографии [Взаимодействие... 1980: 7–24]. Таким образом, на

первых этапах методами лингвогеографии устанавливается картина распространения тех или иных явлений языка, в нашем случае – терминологической лексики, обозначающей явления традиционной духовной культуры, которые представляют собой объект изучения в этнолингвистике. Кроме того, теми же методами картографирования устанавливается и картина распространения самих денотатов (ритуалов, обрядовых лиц и обрядовых предметов, поверий и т. п.),

включая сведения о наличии / отсутствии какого-либо обряда, праздника, представления о мифологическом персонаже в данной местности. Совмещение на одной карте лексических и экстралингвистических данных возможно на этнолингвистической карте, где наряду с названием явления народной культуры бывает представлена и содержательная сторона явления народной духовной культуры, от минимально-формального указания на наличие / отсутствие самого обряда, ритуала, верования до презентации детальных его характеристик (подробнее см. [Плотникова 2008: 396–417]). На основе созданных карт вычленяются ареалы, которые далее изучаются и интерпретируются.

В культурно-языковом континууме Южной Славии выделяется несколько типов противопоставленных и изолированных ареалов. Среди противопоставленных ареалов выделяются восточный и западный (с условной границей на юго-востоке Сербии), причем структура каждого из них представляет собой сложное ареальное образование. Восточная часть Южной Славии включает такие взаимосвязанные между собой ареалы, как сербско-болгарское пограничье, южный македонско-восточносербско-западноболгарский клин, южный балканославянский пояс. На западе Южной Славии вычленяется крайняя западная часть (западнохорватско-словенская), где помимо культурно-языковых характеристик, общих для всех южных славян / для всей западной части, прослеживаются особенные черты, свойственные лишь западнохорватско-словенскому ареалу; эти черты подтверждаются и новейшими этнолингвистическими полевыми исследованиями в Бургенланде на территории Австрии (2007 г.), в селах градишанских хорватов, переселившихся туда около 500 лет назад и сохраняющих архаические признаки в народной культуре и отражающей ее лексике. К изолированному в определенной степени следует отнести центральный ареал Южной Славии, хотя он по целому ряду признаков может быть противопоставлен периферийной (латеральной) зоне Южной Славии, архаической по отношению к центральной.

Вычленяемый по данным картографирования терминологической лексики традиционной духовной культуры цен-

тральный ареал по своей конфигурации соотносится с четко выделяемым ареалом «стечков» (специфических надгробных плит) в Боснии и Герцеговине, западной Сербии, западной Черногории и южной Хорватии, относимых историками культуры к XII–XV вв. (см. карты в работах Ш. Бешлагича: [Bešlagić 1971: 63]; [Bešlagić 1982: 432–433]). К этнолингвистическим признакам, на основе которых выделяется центральный ареал Южной Славии, следует отнести распространение с.-х. усуд 'мужской мифологической персонаж, предсказывающий судьбу новорожденному', дериватов от с.-х. *drek-* в значении 'демон, пугающий человека', наименований ведьмы от с.-х. *čín-* (*čínlica*, *čínjarica* и т. п.), серб. *чесница*, серб. (*но*)*душни брав*, *душно* 'поминальное жертвенное животное' и др. Размеры ареалов указанных терминов культурной лексики, как правило, меньше всего ареала «стечков», однако совпадают их конфигурация и центральное местонахождение в культурно-языковом континууме Южной Славии, что может способствовать установлению временных параметров формирования центрального культурно-языкового ареала (т. е. до турецкого нашествия, вопреки иным гипотезам на этот счет).

Источниками этнолингвистических данных, на основе которых осуществляется картографирование с последующей интерпретацией получаемых ареалов, служат диалектные словари, этнографические описания, а в ряде случаев – фольклорные тексты (в частности, былички). Материалы опубликованных источников (XIX–XX вв., т. е. так называемого «этнографического настоящего») подкрепляются и проверяются полевыми экспедиционными данными, собираемыми по единой этнолингвистической программе.

Литература

- Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
 Плотникова А. А. Этнолингвистика и лингвогеография (на материале южнославянских языков и традиций) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид. 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 396–417.
 Bešlagić Š. Stećci. Kataloško-topografski pregled. Sarajevo, 1971.
 Bešlagić Š. Stećci – kultura i umjetnost. Sarajevo, 1982.

Znaczenie słowotwórstwa w definiowaniu gwar / Значение словообразования в определении говоров

A. S. Gala

Uniwersytet Łódzki (Łódź, Polska)

Słowotwórstwo gwarowe, gwara, dialekt, dialektologia

Аннотация. Дефиниция диалекта и говора, с точки зрения диалектографии и диалектологии, строится в основном на фонетико-фонологических и лексических основаниях, и в значительно меньшей степени она опирается на данные словообразования. Несмотря на то что словообразовательные данные являются очень важными, все же они не рассматриваются как исчерпывающие аргументы, т. е. такие, которые позволили бы говорить о дифференциации говоров и об их оппозиции к общепольскому языку. Целью доклада является обоснование необходимости словообразовательных исследований при изучении и описании говора.

Niepodważalne rezultaty badawcze polskiej dialektologii zarówno w dokumentowaniu gwar i dialektów, ich kartograficznej ilustracji [Atlas... 1957–1969]; [Atlas... 1998–2002], jak i ujęciach teoretyczno-metodologicznych [Dejna 1993] odnoszą się przede wszystkim do problematyki fonetyczno-fonologicznej, leksykalnej, w nieporównywalnie mniejszym stopniu do zagadnień słowotwórczych. Słowotwórstwo gwarowe było postrzegane jako mniej przydatne w definiowaniu regionalnych odmian polszczyzny etnicznej. W atlasach gwarowych morfologia wyrazowa była przedstawiana suplementarnie do pozostałych składników systemu języka. Tematycznie ograniczano się do zagadnień znanych na ogół w badaniach historyczno-językowych, por. np. rzeczownikowe wykładniki *-ę*, *-ak* w nazwach istot młodych, struktury z *-isko*, *-iszcze* w nazwach miejsc (pól uprawnych), prefiksy superlatywne *na-*, *naj-*, przymiotnikowe sufiksy *-isty*, *-ity*, czy w zakresie czasownika struktury sufiksalne z *-eć*, *-ić* / *-yć*, postaci czasowników typu *kupać*, *zajmać* oraz struktury sufiksalne *-iwać* / *-ywać*, *-ować*, *-uwać*.

Ponieważ przedmiotem zainteresowania dialektologii są dialekty i gwary, dialektologię należy określić jako «kierunek lingwistyki, która bada zakres i stopień dzisiejszego zróżnicowania w zakresie języka danego terytorium etnicznego oraz stara się ustalić genezę, chronologię i przebieg procesów,

które do tego zróżnicowania doprowadziły» [Dejna 1981: 8]. Schemat wyodrębnionych dialektów polskich uformowanych w obrębie jednolitego zespołu etnicznego przedstawiono według kryterium dyferencjacji horyzontalnej jako rezultatu ewolucji, głównie zróżnicowanych innowacji w określonych zespołach etniczno-językowych. Przy wyznaczaniu zasięgów cech systemowych, obszarów ich występowania, centrów innowacji stosuje się metody właściwe geografii lingwistycznej i różne techniki kartografowania. Wypracowane w dialektologii metody przeniesiono także na grunt badań słowotwórczych i opozycję strukturalną w płaszczyźnie horyzontalnej uczyniono podstawowym wyznacznikiem kartografowania morfologii wyrazowej. Ewolucja poglądów i metod interpretacyjnych na gruncie słowotwórstwa ogólnopolskiego, od ujęć strukturalistycznych poprzez syntaktyczne do – w ostatnich latach – kognitywnych, miała na gruncie słowotwórstwa gwarowego wpływ ograniczony. Dlatego w ujęciach monograficznych wybranych zespołów gwarowych [Górniewicz 1967–1970]; [Pluta 1967]; [Laskowski 1966, 1971] poszczególnych gwar [Bąk 1968]; [Malec 1976] stosowano klasyczny opis derywatów wg kryterium strukturalnego i semantyczno-kategorialnego z uwzględnieniem zasad geografii lingwistycznej [Kowalska 1975, 1979].

Mimo pewnej wiedzy o geograficznym zróżnicowaniu wybranych struktur derywacyjnych w określonych funkcjach

semantycznych, o stopniu ich nasilenia, nie możemy przedstawić pełnego wizerunku słowotwórstwa gwarowego, który tworzyłby warunki do wyodrębnienia w danej gwarze lub zespole gwar cech wyróżniających względem innych gwar i wobec polszczyzny ogólnej.

Dlatego istnieje potrzeba podjęcia badań systematycznych na reprezentatywnym i wyczerpującym materiale, którego interpretacja obejmie wszystkie elementy słowotwórstwa gwarowego, a przede wszystkim pozwoli ustalić zasady określania odpowiedników innogwarowych na tle czy w kontekście ich funkcjonowania w polszczyźnie ogólnej.

Literatura

- Atlas gwar polskich: T. 1. Małopolska / K. Dejna. Warszawa, 1998; T. 2. Mazowsze / K. Dejna, S. Gala, A. Zdaniukiewicz, F. Czyżewski. Warszawa, 2000; T. 3. Śląsk / K. Dejna, S. Gala. Warszawa, 2001; T. 4. Wielkopolska, Kaszuby / K. Dejna. Warszawa, 2002.
- Dejna K. Atlas polskich innowacji dialektalnych. Warszawa, 1981.
- Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław, 1993.

- Górniewicz H. Formanty przyrostkowe rzeczowników w gwarach malborskich: Cz. I // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. XIII. Łódź, 1967. S. 13–53; Cz. II. Jw. T. XIV. Łódź, 1968. S. 53–82.
- Górniewicz H. Słowotwórstwo przymiotników, zaimków i liczebników w gwarach malborskich. Jw. T. XIV. Łódź, 1968. S. 209–234.
- Górniewicz H. Słowotwórstwo czasowników i nieodmiennych części mowy (w gwarach malborskich). Jw. T. XV. Łódź, 1970. S. 93–110.
- Kowalska A. Zróżnicowanie słowotwórcze gwar Mazowsza i Podlasia (Rzeczownik). T. 1: Atlas. Cz. 1. Mapy 1–100; Cz. 2: Wykazy i komentarze do map 1–100. Wrocław, 1975; T. 2: Atlas. Cz. 1: Mapa 101–200; Cz. 2: Wykazy i komentarze do map 101–200. Wrocław, 1979.
- Laskowski R. Derywacja rzeczowników w dialektach łaskich. Cz. 1. Wrocław, 1966; Cz. 2. Wrocław, 1971.
- Malec T. Budowa słowotwórcza rzeczowników i przymiotników w gwarze wsi Rachanie pod Tomaszowem Lubelskim. Wrocław, 1976.
- Mały atlas gwar polskich / Pod kierunkiem K. Nitscha, M. Karasia. T. I–XII. Wrocław, 1957–1969.
- Pluta F. Dialekt głogówecki. Cz. II: Słowotwórstwo, fleksja, teksty gwarowe. Wrocław, 1967.

Динамика развития говоров северо-восточной Польши района Кнышина

D. K. Rembiszewska

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk (Warszawa, Polska)

Диалектология, языковое пограничье, динамика развития говоров

W Polsce w ostatnich latach obserwuje się szybki proces zmian w odniesieniu do mowy ludności wsi. Przeobrażenia dotyczą zarówno warstwy fonetycznej, morfologicznej, jak i leksykalnej. Zmiany obejmują bez wyjątku wszystkie gwary, jest jednak różny stopień ich nasilenia.

Dynamika rozwojowa gwar staje się ważnym kierunkiem w badaniach dialektologicznych. Na obecnym etapie rozwoju gwar tego typu badania dają możliwość ukazania bogactwa i wewnętrznej różnorodności poszczególnych systemów gwarowych na tle faktów pozajęzykowych

Tekst dotyczy dynamiki rozwoju gwary Knyszyna i wsi okolicznych w XX wieku, terenu w północno-wschodniej Polsce, leżącego obecnie w powiecie monieckim, woj. podlaskie. Jest to obszar nakładania się rozmaitych wpływów osadniczych, a tym samym i językowych. W przeszłości na tym terytorium wystąpiły różne kierunki osadnictwa – białoruski grodzieński z domieszką litewskiego i jaćwieskiego oraz ruski wołyńsko-brzeski, a także mazowiecki. Ponadto swój wpływ zaznaczyli Rosjanie, Niemcy i Żydzi, co znalazło odzwierciedlenie w miejscowej gwarze.

Współcześnie można śledzić rozmaite zmiany. Reprezentatywne wydaje się analizowanie tych, które zaszły w ostatnich kilkudziesięciu latach.

W wykazie wyrazów poddanych sprawdzeniu znalazły się nazwy ogólnopolskie i wyrazy ogólnogwarowe oraz gwarowe, charakteryzujące polszczyznę kresów północnowschodnich i typowe dla Polski północno-wschodniej.

Na podstawie współczesnych badań można potwierdzić, że lokalny język Knyszyna i okolic ujawnia powszechną tendencję w rozwoju gwar polskich. Mianowicie zakres jego użycia niesłychanie się zmniejszył, zarówno jeśli chodzi o liczbę osób używających gwary, jak i intensywność występowania cech gwarowych.

W zakresie fonetyki najbardziej znaczące są: zanik mazurzenia, wymowa kontynuantów *e* długiego jako *e* jasnego, *o* długiego jako *o*, zanik wschodniosłowiańskiego *r* na rzecz polskiego *rz* (ż), w obrębie morfologii zaś mniejsze rozchwanie w zakresie kategorii rodzaju rzeczowników, zmniejszenie produktywności sufiksów rzeczownikowych *-enie* (typu *burakowienie* 'nac buraków', *kartoflenie* 'łodygi kartofli'), *-ynia* (typu *dalecynia* 'dal, odległe miejsce', *dłużynia* 'dłużyna').

W celu przeanalizowania procesów dynamiki przemian leksyki gwarowej, wybrałam pewne kręgi tematyczne, umożliwiające najbardziej wiarygodnie uchwycenie mechanizmów zmian. Wspierając się *Słownikiem dialektu knyżyńskiego* C. Kudzinowskiego, pochodzącego z lat sześćdziesiątych i siedemdziesiątych XX wieku oraz współczesnymi obserwacjami co do słownictwa, wzięłam pod uwagę jednostki wyrazowe,

związanych z realiami wiejskimi i małomiasteczkowymi, nazywanymi przedmioty, pojęcia, czynności i zjawiska, towarzyszące człowiekowi, a także odnoszące się do cech człowieka: *Bydło i hodowla, Prace wykonywane w gospodarstwie, Narzędzia, akcesoria gospodarskie, Zawody i rzemiosła, Dom, Rodzina, Tradycje, święta, uroczystości, Zdrowie i choroba, Nomina meliorativa, Nomina pejorativa, Pogoda i zjawiska atmosferyczne, Czas, Miary*. O znajomość nazw pytałam w trzech grupach pokoleniowych.

Prześledzenie występowania, użycia i znajomości określonych wyrazów w poszczególnych grupach pokoleniowych pozwoliło stwierdzić, że:

1. Największa żywotność nazw gwarowych, co oczywiście, występuje wśród najstarszego pokolenia.

2. Średnie pokolenie to grupa, która ma najbogatszy zasób słownictwa. W tym pokoleniu występuje największa wariantywność nazw.

3. U najmłodszego pokolenia najwyraźniej uwidacznia się tendencja do integracji z polszczyzną ogólną. Dawne nazwy niektóre osoby przywołują tylko dzięki kontaktom z najstarszymi, uczestniczeniu we wspólnych pracach domowych i gospodarskich. Większą umiejętność przywoływania nazw gwarowych mają dzieci rodziców niewykształconych.

Gwara sprzed kilkudziesięciu lat miała dużą liczbę zapożyczeń wschodniosłowiańskich, w różny sposób adaptowanych – zapożyczenia właściwe (np. *abałżec* 'zgłupieć' – *абалдеть*, *barabansky* 'dobosz' – *барабанищик*, *dęweńa* 'wieś' – *деревня*) lub fonetycznie przystosowane do polskiego systemu (np. *kurascy* 'palący' – *куращий*, *z pasala* 'od początku' – *с начала*, *cerniło* 'atrament' – *чернила*). We współczesnej gwarze tej części Podlasia, z występujących dawniej nazw wschodniosłowiańskich pozostało niewiele i w dużej części są to takie, które wykazują zbieżność z polszczyzną ogólną lub stanowią północno-wschodnie regionalizmy. W dawniejszej gwarze wystąpiły zapożyczenia z innych języków: litewskiego (np. *bonda* 'bochenek', *jegła* 'jodła', *kump* 'szynka'), niemieckiego (np. *grajcar* 'korkociąg', *hałstuk* 'krawat', *spęrnal* 'drzazga'), jidysz (*ganef* 'złodziej', *farfał* 'przepadło', *mišugene* 'głupi'), doprowadzające rozmaitych kierunków wpływów w różnych okresach rozwoju.

Na zmiany językowe wpłynęły:

1. Zmiana struktury wykształcenia ludności; wytworzenie się przekonania wśród większości, że jedynie wykształcenie daje możliwość stworzenia sobie lepszych warunków życia.

2. Osłabienie, a właściwie całkowity zanik związków z dawnymi kresami północno-wschodnimi po roku 1945. Odnowienie kontaktów z obecną Białorusią i Litwą nastąpiło dopiero pod koniec lat 90. XX wieku.

3. Wychodzenie z użycia niektórych desygnatów i wchodzenie nowych, które nie zyskują nazw zgodnych z wewnątrzsystemowymi wymogami, tylko ogólnopolskie.

4. Przeobrażenia cywilizacyjne, łatwy dostęp do zdobyczy technicznych, w tym dostępność do internetu; zmniejszenie się przestrzeni globalnej przez możliwość korzystania z różnych środków transportu.

5. Przewartościowanie hierarchii ważności w grupach pokoleniowych. Współcześnie najstarsze pokolenie ma znikomy autorytet wśród najmłodszych, straciło ono monopol na wiedzę o życiu, codziennych sprawach. Często najmłodszy stają się doradcami, przewodnikami po świecie nowinek technicznych

dla swoich rodziców i dziadków. Stąd to wszystko, co oferują starsi, nie jest atrakcyjne, ani potrzebne.

6. Przeświadczenie użytkowników o dużym prestiżu polszczyzny ogólnej, która zapewnia bezkolizyjną komunikację w różnych konsytuacjach i ułatwia identyfikację ze środowiskiem miejskim.

Mowa mieszkańców Knyszyna i okolic dostosowała się do wymagań nowej rzeczywistości i utraciła w dużym stopniu specyficzny charakter i poddaje się kolejnym przeobrażeniom, choć na pewno fonetyczne i morfologiczne znamiona gwar podlaskich szczątkowo się zachowały. Utrzymały się ponadto niektóre dawne nazwy, odnoszące się do obrzędowości.

Zmiany zasięgów wyrazowych w dialektach wschodniosłowiańskich

J. Siatkowski

Uniwersytet Warszawski (Warszawa, Polska)

Славянская диалектология, литературные языки и диалекты, языковые границы

Omawiam wybrane nazwy części ciała, wykazujące we wschodniej Słowiańszczyźnie rozbieżności między językami literackimi a gwarami oraz historyczne zmiany ich znajomości w językach literackich oraz w zasięgach gwarowych. Podstawą są materiały *Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego* w zestawieniu z wcześniejszymi opracowaniami gwarowymi oraz z historycznymi słownikami tych języków.

Dawne *чело* zostało wyparte przez *лоб*, choć w różnym stopniu na gruncie wschodniosłowiańskim zachowały się pewne zwroty i derywaty pochodne od *чело*. Dawne *очи* stopniowo zostały wyparte w znacznej części obszaru wschodniosłowiańskiego przez *глаза*, w gwarach *глаза* stały się nazwą dominującą. Skomplikowany rozwój obserwujemy w konkurencji dawnych nazw *кожа* i *скора*, *шкура*. Wbrew wcześniejszym

przyróżnieniom staram się wykazać, że rozwój nazw *скора*, *шкура* dokonał się na tym terenie bez wpływu języków sąsiadujących.

Po drugiej wojnie światowej dochodzi do wycofywania się elementów wschodniosłowiańskich z terenów wschodniej Polski (*лоб* – *czoło*, *вуску* – *skroń*, *коца* – *warkocz*). Stopniowo ich zasięgi zaczynają się pokrywać ze wschodnią granicą państwową Polski. Proces ten możemy obserwować nie tylko w słownictwie, lecz także w zakresie innych warstw językowych.

Słownictwo wschodniosłowiańskie przeniesione po drugiej wojnie światowej przez polskich przesiedleńców na tereny zachodniej i północnej Polski na ogół już zostały wyparte przez wyrazy ogólnopolskie lub właśnie znajdują się w stadium zaniku.